

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра русской и зарубежной литературы

Заведующий кафедрой
доктор филол. наук, профессор
Н.А. Рогачева

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В «ОЧЕРКАХ ИЗ ЖИЗНИ В СИБИРИ» Н.А. ЛУХМАНОВОЙ
И «ИЗ ПРОШЛОГО, ИЗ ДАЛЕКОГО» С.И. КАРЦЕВСКОГО:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

45.04.01 Филология
Магистерская программа
«Русский язык и русская литература для иностранцев»

Выполнила работу
студентка 2 курса
очной формы обучения

Першина Алена Игоревна

Руководитель
доктор филол. наук, профессор

Эртнер Елена Николаевна

Рецензент
доктор филол. наук, профессор,
заведующий кафедрой русской
и зарубежной литературы

Рогачева Наталья Александровна

Тюмень
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.А. ЛУХМАНОВОЙ И С.И. КАРЦЕВСКОГО КАК ПАРАДИГМА: «ЛОКУС» – «ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» – «СВЕРХТЕКСТ»	9
1.1. ПРОВИНЦИЯ КАК ТЕКСТ	9
1.2. МИФОПОЭТИКА ОБРАЗА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	17
1.3. КОНЦЕПЦИЯ «О-СВОЕНИЯ МЕСТА»	32
ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС	39
2.1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «СИБИРСКИХ» ТЕКСТОВ Н.А. ЛУХМАНОВОЙ И С.И. КАРЦЕВСКОГО.....	39
2.2. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНА Н.А. ЛУХМАНОВОЙ «В ГЛУХИХ МЕСТАХ» И ПОВЕСТИ С.И. КАРЦЕВСКОГО «ЯМКАРКА»	46
2.3. ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗОВАНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	64

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена творчеству русских писателей рубежа XIX-XX веков Надежды Александровны Лухмановой (1841-1907) и Сергея Иосифовича Карцевского (1884-1955).

Актуальность исследования определяется назревшей в литературоведческой науке необходимостью введения в научный оборот и в практику преподавания русского языка как иностранного новых текстов, углубляющих представление о феномене Сибири. Осмысление поэтики места призвано разрешить как литературоведческие, так и культурологические вопросы, поскольку локальные тексты выступают не только элементом общерусской литературы, но и одним из уровней региональной культуры, отражающим различные сферы жизни края.

За последние десятилетия появились содержательные работы по изучению локальных текстов русской культуры: «Пермь как текст» (В.В. Абашев), «Крымский текст в русской литературе» (А.П. Люсый), «Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX-XX вв.» (И.А. Разумова) и др.

Вместе с тем разрабатываются новые подходы к изучению самих географических пространств, породивших данные тексты. Продуктивной в настоящее время оказывается концепция «геокультурного» подхода к изучению русской культуры. Основопологающей категорией геопоэтики является понятие ландшафта. **Предметом** настоящего исследования является литературный ландшафт Западной Сибири.

Географическое мышление в осмыслении пространственной образности представляет наибольший интерес в постижении феномена Сибири. Её историко-географический образ формировался в течение нескольких столетий, трансформируясь из самостоятельной, изолированной сферы человеческого бытия в особо значимое географическое пространство России. Неоднозначность в восприятии территории Сибири породила двойственную семантику образа. Пространство Сибири вышло за пределы чисто географической концепции и стало восприниматься как особый свертхтекст,

порождённый, в частности, «Очерками из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой и вошедшими в сборник «Из прошлого, из далёкого» повестями С.И. Карцевского.

Выпускница Павловского института из семьи потомственных дворян, известный прозаик, переводчица, драматург Н.А. Лухманова, выйдя замуж за инженера А.Ф. Колмогорова, сына тюменского кожевенника, с 1880 по 1885 год жила в Тюмени. Несколько лет, проведённых здесь, послужили «исходным материалом» (выражение Б. О. Кормана) для одного из наиболее значительных беллетристических произведений Лухмановой – «Очерков из жизни в Сибири» (1895). В нём изображена старообрядческая Тюмень 1880-х гг., быт раскольников, страшные деяния варнаков; а одним из главных героев романа «В глухих местах» (что составляет большую часть «Очерков») стал купец Круторогов (прототип образа – Колмогоров, свёкор писательницы). Лухманова хорошо знала город и повествование в книге построила на основе собственных впечатлений, городских легенд, исторических и семейных преданий.

Н.А. Лухманова – автор многочисленных повестей, романов, публицистических статей. Её литературное наследие составляет около 30 книг (без переизданий), вышедших отдельными тиражами. В своё время её романом об институтской жизни «Девочки» зачитывались, но имя писательницы кануло в Лету в XX веке.

В 1970 году была опубликована книга Л.Г. Беспаловой «Тюменский край и писатели XIX века» [Беспалова 1970], положившая начало активному изучению творчества Лухмановой. В 1997 году в серии «Невидимые времена» переизданы «Очерки из жизни в Сибири» Лухмановой с предисловием К.Я. Лагунова «Неистовая Надежда». В число «Очерков» вошли «Кержаки в тайге», «Белокриницкий архиерей Афанасий», «В глухих местах». Традицию изучения поэтики произведений Лухмановой продолжили преподаватели Тюменского государственного университета. Большой вклад в изучение биографии писательницы внёс её потомок А.Г. Колмогоров, написавший книгу «Мне доставшееся: хроники Надежды Лухмановой» [Колмогоров 2013].

Актуальным является изучение творчества Н. Лухмановой в аспекте женского вопроса конца XIX – начала XX века и темы русско-японской войны, разрабатываемой писательницей (исследования профессора МГУ М.В. Михайловой, аспирантки МГУ Т.В. Левицкой).

Изучение литературного наследия С.И. Карцевского стало возможным лишь в начале XXI века. В 2010 году была переиздана его повесть «Ямка», а в 2018 г. в сборнике «Из прошлого, из далёкого» **впервые** опубликованы и другие сибирские тексты («Село Туман», «Больная ночь», «Среди вогул»). В научных кругах Карцевский (уроженец Тобольска) известен, прежде всего, как лингвист, один из создателей Пражского лингвистического кружка. Сбежав из-под ареста за революционную деятельность, он эмигрировал в Женеву, где преподавал русский язык и вёл активную научную деятельность. В эмиграции Карцевский пробует себя и на литературном поприще: в 1910 году он стал лауреатом конкурса на лучшую новеллу – Максим Горький опубликовал в «Знании» повесть Карцевского «Ямка». В 2006 году сотрудники Кондинского краеведческого музея (ХМАО-Югра) в переданных им архивных переписках местных жителей обнаружили упоминание об этой повести и её авторе: стало известно, что Карцевский в 1903-1904 гг. начинал свою деятельность в качестве учителя в с. Нахрачи, что и стало основой сюжета для «Ямки». Дальнейшие поиски информации о судьбе и творчестве Карцевского вывели директора музея Н.И. Богданову на исследователя лингвистических трудов учёного – профессора университета им. Шарля де Голля Ирину Фужерон. В результате их совместной деятельности были найдены архивы С. Карцевского, в которых обнаружены неизданные литературные произведения автора, вошедшие в сборник «Из прошлого, из далёкого» (2018г.).

«Очерки из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой и сборник «Из прошлого, из далёкого» С.И. Карцевского, являющиеся **объектом** настоящего исследования, написаны на основе личных переживаний авторами Западной Сибири. Позиция «чужого», в которой находятся сами авторы и их герои по

отношению к Сибири, близка позиции приезжающих в этот регион иностранных студентов. В этой связи художественный образ Западной Сибири становится ценным лингводидактическим материалом, а репрезентирующие данное пространство тексты получают высокий лингвокультурологический потенциал.

Новизна исследования заключается в том, что впервые литературный ландшафт Западной Сибири в текстах Н. Лухмановой и С. Карцевского рассматривается с точки зрения включения регионального компонента в процесс обучения русскому языку как иностранному. Расширяется понятие «сибирского» текста: впервые в качестве литературного контекста привлекаются произведения С. Карцевского «Ямкарка», «Село Туман», «Больная ночь». Литературоведческий анализ географической образности Тобольской губернии рубежа веков позволяет выявить авторское восприятие пространства, определить специфические черты Западной Сибири в творческой концепции Н. Лухмановой и С. Карцевского.

Цель работы – выявление ландшафта Западной Сибири в книгах Н.А. Лухмановой «Очерки из жизни в Сибири» и С.И. Карцевского «Из прошлого, из далекого» и его изучение в лингвокультурном аспекте.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

1. Рассмотреть категорию литературного ландшафта в исследовательской традиции.

2. Исследовать мифопоэтику пространственного образа Сибири Н.А. Лухмановой и С.И. Карцевского в контексте «сибирского» текста и «провинциального» сверхтекста русской культуры.

3. Выявить своеобразие литературного ландшафта Западной Сибири в «Очерках из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой и «Из прошлого, из далёкого» С.И. Карцевского на уровне геопанорамы города, поэтики сибирского дома и сада, бинарных оппозиций (своё/чужое, сакральное/профанное, центр/периферия, рай/ад и др.).

4. Разработать методические принципы и приемы изучения анализируемых произведений в иностранной аудитории.

Теоретической базой данной выпускной квалификационной работы послужил комплекс междисциплинарных исследований. Методологической базой изучения художественного пространства стали работы М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и др. При анализе географических образов были использованы труды Д.Н. Замятина, Ю.А. Веденина, отражающие геокультурный подход к исследованию городского ландшафта. Геопоэтика сибирского города рассмотрена на основе работ В.И. Тюпы, Е.К. Созиной, К.В. Анисимова, Е.Н. Эртнер и др. Основы методики лингвокультурологического подхода в преподавании художественной литературы в иностранной аудитории рассмотрены нами в трудах Е.М. Верещагина, Л.С. Журавлёвой, В.Г. Костомарова, Н.В. Кулибиной.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в ней рассмотрена категория литературного ландшафта в русле геопоэтики, а также аспекты изучения регионалистики в иностранной аудитории

Практическая значимость данной работы состоит в том, что её материалы могут быть использованы при изучении художественной литературы и, в частности, произведений «сибирского текста» русской культуры в иностранной аудитории.

Структура работы определяется целью и задачами данной выпускной квалификационной работы и включает в себя введение, две главы, заключение и библиографический список (из 58 наименований).

Во Введении определяется актуальность и новизна исследования, его теоретико-методологическая база, формулируются цели и задачи, получает рассмотрение творческая судьба Н.А. Лухмановой и С.И. Карцевского, история создания анализируемых текстов.

В первой главе категория литературного ландшафта Западной Сибири изучается в рамках парадигмы «локус» – «локальный текст» – «сверхтекст». Исследуется пространство провинциального города, выявляются устойчивые

черты геопоэтики Западной Сибири, определяются параметры ландшафта Тобольской губернии в творческом мышлении Н. Лухмановой и С. Карцевского.

Вторая глава представляет собой разработанные на основе анализа произведений Н. Лухмановой и С. Карцевского учебные материалы, обеспечивающие изучение данных текстов иностранными студентами. Представленные методические разработки направлены на получение лингвокультурологических знаний, совершенствование навыков чтения и письма, умения анализировать литературные тексты.

В Заключении сформулированы основные результаты исследования: обобщаются особенности репрезентации ландшафта Западной Сибири в текстах Н.А. Лухмановой и С.И. Карцевского, формулируются основные подходы к изучению данных текстов в иностранной аудитории.

ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Н.А. ЛУХМАНОВОЙ И С.И. КАРЦЕВСКОГО КАК ПАРАДИГМА:
«ЛОКУС» – «ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» – «СВЕРХТЕКСТ»

1.1. ПРОВИНЦИЯ КАК ТЕКСТ

Изучение отражённых в литературных произведениях географических образов началось с утверждения В.Н. Топорова «пространство есть текст (т.е. пространство может быть принято как сообщение)» [Топоров 1983, 227]. По мнению исследователя, «город говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков» [Топоров 2003, с. 22].

Связь между пространством и текстом, репрезентирующим его, отмечает и М.Ю. Лотман: «Письменная культура тяготеет к тому, чтобы рассматривать созданный Богом или Природой мир как Текст и стремиться прочесть это сообщение, в нем заключенное. Поэтому главный смысл ищется в письменном Тексте и экстраполируется затем на ландшафт» [Лотман, с. 369].

Мифопоэтический взгляд В.Н. Топорова и семиотический М.Ю. Лотмана были обращены на изучение художественных пространств в контексте географических исследований.

Основным термином анализа пространственной образности является локус, включающий в себя природный и культурный ландшафт территории. Осваивая то или иное место, человек вместе с тем наделяет его некими семиотическими признаками. Локус перестаёт быть просто местом жизни, он осмысливается в контексте семиосферы национальной культуры: бытование городских легенд, историческая судьба города, культурное наследие края и др.

Писатели через призму своего сознания, опираясь на собственный «опыт жизни здесь» (термин Г.И. Данилиной и Е.Н. Эртнер [Данилина, Эртнер, с. 34-36]), формируют образ локуса в художественной литературе. Так возникает система локальных текстов как **«форма осмысления/переживания**

социокультурных особенностей того или иного локуса **и механизм репрезентации/конструирования** идентичности региональных сообществ» [Гаврилина, с. 105].

Локальные тексты, наделённые особым символическим и мифологическим смыслом, переходят в разряд *сверхтекстов*. Локальные сверхтексты рассматриваются через призму культуры страны в целом: они видятся особо значимыми не только в региональном, но и в национальном измерении; а их осмысление представляет собой «попытку концептуального “выворачивания” всей России» [Гаврилина, с. 104].

В настоящей главе локусом признана Тобольская губерния, получившая репрезентацию в «Очерках из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой и «Из прошлого, из далёкого» С.И. Карцевского. Данные тексты, в более широком, региональном значении, входят в число «сибирских» текстов русской культуры. Вместе с тем пространство сибирского города может быть рассмотрено как часть особого сверх-пространства – русской провинции.

Историческая и культурная значимость Москвы и Санкт-Петербурга способствовала формированию художественной ценности данных городов. Обширный пласт литературных произведений, воссоздающий пространственные образы столиц, породил «московский» и в особенности «петербургский» (термины В.Н. Топорова) текст русской литературы. Тот факт, что оба города в разные исторические периоды обладали статусом столицы, позволяет объединить репрезентирующие их произведения в «столичный» сверхтекст. Однако географическое пространство России выходит далеко за пределы Москвы и Петербурга, и в национальном сознании формируется дихотомия «столица – провинция». Данная оппозиция переходит и на литературу: в связи с чем, в противовес «столичному», появляется «провинциальный» сверхтекст.

Стоит отметить отсутствие оценочной коннотации употребляемых терминов: «столичный» не значит образцовый, высокохудожественный, «провинциальный» не есть плохой, написанный дилетантом. Основанием для

разграничения данных понятий служит предмет изображения. Так, Невский проспект, изображённый в одноименной повести Н.В. Гоголя, выступает символом «столичного», «петербургского» текста. А уездный город N в «Мёртвых душах» того же автора рассматривается в рамках изучения «провинциальных» текстов.

Произведения, составляющие «провинциальный» свертхтекст, изображают не конкретное место, а некий обобщённый образ провинциального города. «Образ провинции имеет не творческую, а знаковую природу и функционирует как "указание" на некую условную провинцию, ... апеллирует не к пространственному восприятию, а к литературному» [Эртнер 2005, с. 43].

Провинция как литературный образ, а вместе с ней и «провинциальный» текст, обладает устойчивыми художественными чертами. Наиболее типичным маркёром «провинциальности» города выступает отсутствие у него названия либо выдуманное его обозначение (город N, Калинов и др.). В этом проявляется «антистоличность» города: названия столиц сокращались в литературе только в XVIII веке, в то время как в отношении провинциальных городов обезличивание стало традиционным [Белоусов, с. 458].

Данный приём используется с целью создания иллюзии однородности и похожести всех провинциальных городов. Имя издавна воспринималось как знак судьбы, во многом предопределяющий характер его носителя и саму жизнь. Лишая город имени, писатель делает невозможным разворачивание собственной истории города: всё происходящее с ним и в нём лишено индивидуальности; у провинциальных городов одна судьба на всех. В то же время отсутствие указания на конкретный локус делает невозможным идентификацию города, определение его реального географического положения, благодаря чему изображённое пространство предстаёт как метафорическое.

Так, Н. Лухманова подвергает сокращению название города Тюмени – до «Т.». С одной стороны, данное художественное решение вполне соотносится с устоявшейся в литературе традицией обозначения уездных городов N. Однако Лухманова выбирает для номинации первую букву реального названия. Так

в литературе XVIII века было принято обозначать столичные города «П*» и «М*». Подобное сокращение позволяет, принимая во внимание используемые в «Очерках» топонимы, безошибочно определить город-прототип.

В названии самого романа, описывающего Тюмень и Тобольскую губернию, Лухманова, казалось бы, не отступает от традиций. «В глухих местах» указывает на пространственную неопределённость и обширность (места, а не конкретное место), отдалённость и неосвоенность (глухие, захолустные) территорий – традиционные признаки провинциального города. И в то же время выбранная автором предложно-падежная форма «в глухих местах» в некоторой степени нарушает целостность устоявшегося образа. Используемый предлог «в» определяет значение присутствия кого/чего-либо или совершения каких-либо действий в пределах данного пространства. И тогда это не совсем «глухие» места: они воспринимаются нами через призму находящегося внутри них сознания.

Игра с названиями прослеживается и в произведениях С. Карцевского. Доподлинно, на основании личных архивов автора, известно, что свою деятельность учёный начинал в качестве учителя в селе Нахрачи (ныне – п. Кондинское, ХМАО-Югра). Данный этап жизни Карцевского нашёл своё отражение в двух (по крайней мере, обнаруженных в настоящее время) произведениях. Примечательно, что ни в одном из них, несмотря на упоминание реальных топонимов Конда, Ягодное и др., с. Нахрачи не названо. В повести «Село Туман» оно заменено на вынесенный в заглавие топоним (предположительно, по оз. Туман в Кондинском районе), в «Ямкарке» – на Сатыгу (в действительности, село на берегу оз. Туман).

Принцип не обозначать прямо провинциальную территорию Карцевский использует как средство игры с читателем, своеобразное «заметание следов». «Село Туман» описывает начало преподавательской деятельности героя в местном училище (школе) и является продолжением изложенной в «Ямкарке» истории пути героя из Тобольска к месту службы. Однако в начале повести «Ямкарка» герой на вопрос местного мужика «Не псаломщик ли будете?»

отвечает: «Нет – учитель. Мне вот в Сатыгу надо...» [57]¹ и позже в тексте называет себя «сатыгинским учителем» [81]; а из продолжающей историю учителя повести «Село Туман» следует, что работать учитель стал не в Сатыгинском, а Туманском местном училище. И только сохранение автором в «Селе Туман» реальной фамилии попечителей училища, купцов Поповых, позволяет идентифицировать это место, как с. Нахрачи.

«Провинциальный» свертхтекст отличается также особой сюжетно-мотивной структурой, «фабульная организация которой обусловлена топосом провинциального города» [Козлов, с. 4]. Повествование строится на особых типах события.

В литературе XIX века жизнь в провинции устойчиво ассоциировалась со ссылкой. Ссылка в данном случае соотносится не с уголовным наказанием (хотя героями «Очерков» Лухмановой стали и каторжники), но жизнь в провинции как таковая равносильна для героев пребыванию в ссылке. Возникает метафора заброшенности человеческого существования: в провинциальном городе человек обречен на безальтернативную, скучную и безрадостную повседневность. Поэтому в «провинциальном» сюжете событием становится то, что «нарушает» эту повседневность, выбивается из неизменного, устоявшегося уклада.

Событием может служить приезд влиятельного лица. Классическим, например, является приезд ревизора в уездный город N (Н.В. Гоголь «Ревизор», 1836). Со временем данный сюжет переходит в разряд бытовых, ничего незначащих для размеренной провинциальной жизни. Однако отголоски его находим и в повести С. Карцевского «Село Туман» (начало XX века). Писарь Михаил Ларионыч встречает зашедшего к нему учителя важной новостью: «Знаете, вчера бумагу получили, крестьянский начальник должны скоро здесь быть, не иначе как недели через две. Может, и в училище зайти пожелают,

¹ Здесь и далее ссылки на сборник С.И. Карцевского «Из прошлого, из далёкого» даются на основании издания: Карцевский С.И. Из прошлого, из далёкого. [б.м.]: Издательские решения, 2018. 212 с.– с указанием страниц в тексте **в квадратных скобках**

посмотреть, всё ли в порядке» [13]. На что учитель спокойно отвечает: «Милости просим. Я не боюсь». Ответная реакция писаря выглядит иронично: «Николай Осипыч! – **воскликает** писарь, **прижимая к груди** толстую ладонь с растопыренными пальцами и **умоляюще** уставив на меня **выкаченные** глаза... – ведь начальство, вы понимаете...» [13].

История с приездом начальства остаётся нереализованной. На наш взгляд, Карцевский вводит эту беседу в повествование для того, чтобы подчеркнуть провинциальность, отдаленность территорий. В то время как в русской литературе сюжет приезда влиятельных гостей перестаёт быть столь значимым, в литературе Сибири новость об их скором приезде на эту землю до сих пор заставляет «хвататься за сердце».

Событием для провинциальной территории является и появление нового человека в принципе: «Промелькнуло несколько грязных полураздавленных юрт, кто-то выбежал с непокрытой головой из ворот – поглядеть на проезжих» [1]. Эпизод совсем незначительный, однако весьма важный для формирования представлений о провинции. Заметим, что **выбежавший** хочет посмотреть не на **приезжих** (прибывших в это село, возможно, неместных), а на **проезжающих** мимо. Движение в этом селе настолько редкое, что даже звук запряжённых лошадей становится для живущих здесь событием.

Многие сюжетные ситуации «провинциального» сверхтекста строятся на основе «события–нарушения нормы с общим предикатом "преступление"» [Козлов, с. 114]. Позволим себе расширить выделенное А.Е. Козловым обозначение до общего свойства "смерть". Именно смерть, не только насильственная, но и естественная, становится для маленькой территории большим потрясением. В городе смерть человека может остаться незамеченной, в то время как в провинции слух о случившемся разлетается мгновенно, а само событие вызывает резонанс.

В повести С. Карцевского «Село Туман» данной теме посвящена отдельная глава – «Смерть акцизного». Сообщивший эту новость рассказчику псаломщик в ходе беседы «внезапно срывается с места. – Одначе я тут побегу,

ещё Поповы не знают, ферьшалу (фельдшеру) сказать...» [20]. Вскоре о смерти акцизного узнаёт всё село, и общее переживание случившегося усиливает вой оставленной покойным дворняги. «Ночью я просыпался несколько раз и слышал тянущий за душу вой; слушал, и мне становилось жутко» [20]. Автор помещает «Смерть акцизного» в сильную, завершающую, позицию (это последняя глава в повести «Село Туман»), и кажется, что вместе со смертью акцизного завершилась и жизнь самого села. Однако финал главы, а вместе с ней и повести, следующий: «Скоро про акцизного Усольцева забыли... Жизнь шла своим чередом, не торопясь, но и не оглядываясь» [21].

Неизменность «застывшего времени» характерна для провинциальных мест России. При этом и само «пространство ... втягивается в движение времени» [Бахтин, с. 235], образуя особый, «провинциальный» хронотоп. «Движение в направлении столица → глубинка фактически означает путешествие во времени (чем дальше, тем ближе к "седой старине")» [Зайонц, с. 427]. Тем примечательнее название сборника произведений С. Карцевского (данное издателем) – «Из прошлого, из далёкого»; «далёкое» в данном случае отражает, скорее, не временную, а **пространственную отдалённость**.

Жизнь в провинции как будто замерла и не подвластна изменениям. Даже революция 1917 года не наложила на провинциальный уголок России, Тобольскую губернию, своего отпечатка: «Вспомнились годы промчавшиеся, бурное время, перекатившееся войной по России, захватившее всех. А тут всё осталось по-старому. Словно **густым слоем глаза затянуло**» («Большая ночь», С. Карцевский) [26]. «Сменялось поколение за поколением, ездили по "сорам" (озёра), ходили на зверя, рождались, женились, смирно умирали, вновь рождались — и **так спокон веку**» («Ямка», С. Карцевский) [62].

Однако исторически провинция означала завоёванную территорию, и со временем цивилизация «завоёвывает» казавшийся нерушимым провинциальный уклад. В «Очерках из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой данный процесс отражается в нескольких сферах. Главным событием для провинциального города Т. стало строительство «чугунки», железной дороги.

Дорога проводилась впервые, и «старики, никогда **в жизни не выдавшие такого чуда**», первое время ездили «с самоваром и прикусками на железнодорожное полотно глядеть, **как "она" побежит**» (169)². Однако вскоре строительство железной дороги перестало восприниматься жителями как театрализованное представление: «анжинеры на смех им, как кроты бессловные, прости Господи, всю округу изрыли, испоганили» (169) и «объявили, что для нового подъездного пути будут отчуждены и скрыты дома» (109). «Сколько стоит город на месте, ещё не видали в нём бунтов» (122), но нежелание местных отдавать свои дома под строительство дороги вынудило их в конечном итоге совершить самосожжение в собственных жилищах. Причина кроется не в противостоянии прогрессу, а в необходимости защитить свою сакральную территории, сберечь старообрядческую веру. И всё же в данной истории конфликт «своего» и «чужого» может быть рассмотрен как оппозиция «провинции» и «столицы».

С приходом цивилизации меняется и жизнь города в целом: «Беда, беда пришла на наш город с наездом молодёжи, а главное, анжинеров этих,... то-то **проклятики** весь город смутили, не только девки, бабы головы потеряли, хвосты себе повесили, на лошадях боком скачут – срамота! Опять эти театры возьми, Фелицатушка, влезут это они на помост, срамные речи говорят, говорят, а потом целоваться учнут» (166) *(возможно, «театры» имеют и прямое отношение к автору «Очерков», Лухмановой. Она старалась оживлять культурную жизнь Тюмени и ставила на местной сцене пьесы, проводила литературные вечера).*

Однако в контексте отмеченной ранее неизменности, цикличности жизни провинциального города, стоит обратить особое внимание на замечания всезнающего повествователя. Именно в них отражена истинная реакция

² Здесь и далее ссылки на «Очерки из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой даются на основании издания: Лухманова Н.А. «Очерки из жизни в Сибири: избр. произведения / сост. Ю.Л. Мандрика; авт. примеч. Н.Ф. Швейбельман. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 464 с. (Невидимые времена) – с указанием страниц в тексте **в круглых скобках**

провинции на изменения, которые происходят в городе Т.: **«Цивилизация привилась** к той молодёжи поверхностно, **костюмно**, если можно так выразиться, а **наука** была для них только **приспособлением** к более верному и спокойному **добыванию денег**» (172). Приближение к столичному образу жизни происходит лишь формально, и купеческая молодёжь, отосланная для получения образования в Питер, возвращается, чтобы продолжить дело своих отцов.

Размышления о проникновении цивилизации в провинциальный город Т. повлекли за собой упоминание о старообрядцах и купечестве – отличительных чертах Сибири. Таким образом, анализ «провинциального» сверхтекста позволяет выявить не только обобщённые черты провинции как таковой, но и детали, характерные для провинции как конкретного места. В связи с чем исследование литературного ландшафта сужается до анализа локальных текстов, составляющих в совокупности рассмотренный в настоящем параграфе «провинциальный» сверхтекст.

1.2. МИФОПОЭТИКА ОБРАЗА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Являющийся предметом настоящей главы литературный ландшафт Западной Сибири может быть рассмотрен как результат освоения конкретной местности. В этом случае возникает понятие локального текста, в рамках которого литературный ландшафт «включает в себя всю совокупность текстов, порождённых писателями, живущими в одном регионе, в том числе и тексты, порождающие пейзаж географический, физический и пейзаж литературный» [Андреев, с. 133].

Так, в русской литературе сложилась система локальных текстов, обозначающихся через топоним отражённого в них локуса («пермский» текст, «крымский» текст и др.). «Сибирский» текст исследуется в работах Ю.А. Мешкова, В.А. Рогачева, Н.А. Рогачевой, К.В. Анисимова и др.

Апеллируя к термину «сибирский» текст, мы принимаем во внимание географическое деление Сибири на Западную и Восточную, в связи с чем

считаем необходимым уточнить: в настоящем исследовании произведён анализ текстов, репрезентирующих образ Западной Сибири.

Реформа М.Сперанского (1822 г.) по разделению сибирских территорий носила не только административный характер; были учтены геополитические, этнические, конфессиональные особенности региона [Дамешек, с. 88]. Существующие различия находят своё отражение и в текстах художественной литературы. В «Очерках из жизни в Сибири» провозгласивший себя белокриницким архиереем, беглый солдат Афанасий родом из Сибири, однако на рассказанное ему другим беглым поверье о девке-утопке на местном болоте реагирует испуганно: «Что крестишься-то, видно, с этими лесами мало знаком, как же **сибиряком сказывался?**» (233). На вопрос Иволги Афанасий отвечает: «Я не из этих мест. **Сибирь Сибири рознь**, у нас гористо, болот мало, да и **сказок таких я не слыхал**» (233).

Тем не менее, представления о Сибири в русском национальном сознании сложились задолго до сибирской реформы Сперанского. И истоки формирования мифопоэтического образа региона следует искать в истории освоения края и его географическом положении. «Мифопоэтика есть переосмысление места (территории) и времени (истории) [Эртнер 2019, с. 201], поэтому анализ пространственной семантики Сибири следует начать с данных характеристик.

Сибирь есть провинция в истинном смысле этого слова: это территория, покорённая Российским государством в XVI веке; и воспринималась она долгое время именно как зависимая, находящаяся под властью России колония. Процесс обретения Сибирью суверенитета и вместе с тем ментального приобщения региона к стране проходил в течение четырёх веков.

В начале XVII века, когда «покорённой» была только Западная часть Сибири, этот регион оставался малоизвестным и малоосвоенным, однако уже в это время становится понятно: приобщение данной территории сулит возможность обогащения. Дальнейшая история Сибири связана с массовой ссылкой неугодных крестьян, ставшей доминантой восприятия края; страх

перед Сибирью был отражён и закреплён художественной литературой. Программа освоения региона отсутствовала и в начале XIX века, причиной чего являлось опасение власти независимого характера сибиряков; считалось, что переселившийся в Сибирь русский крестьянин, находясь в постоянном общении с инородцами, утратил национальные ценности. «Сибиряк забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутой зауральской жизнью, перестал считать себя "российским человеком"» (Куломзин А.Н.) [цит. по Шахеров, URL].

Вторая половина XIX века ознаменовала новый этап отношений Российской Империи к сибирской колонии, значительное влияние в которых отведено Русскому географическому обществу. Великая Сибирская экспедиция (1856-1863) способствовала картографическому изучению и нивелированию Сибирских территорий, что стало предпосылкой для прокладки здесь Транссибирской железной дороги. Стремление России совершенствовать свои транспортно-технические возможности повышало её конкурентоспособность на мировой арене. И строительство железной дороги получило международную огласку: в 1893 году Транссибирская магистраль была представлена на Всемирной выставке в Чикаго, в 1900 году – в Париже. «Презентация ... была полным успехом: бесконечной лентой тянулись виды сибирских ландшафтов на подвижных экранах за окнами вагонов... Они создавали таким образом для гостей, которые могли сесть в этот вагон, иллюзию путешествия по Сибири» [Вайс, URL]. Данное событие способствовало, во-первых, желанию путешественников отправиться по новой дороге к неизведанной стороне, а во-вторых, закрепило представление о Сибири как неотъемлемой части России. Вместе с тем своё развитие получило так называемое областничество: Сибирь стала освещаться (прежде всего, в публицистике) как богатый, цветущий край, должный стать свободным и активно развивающимся.

Таким образом, первоначальное восприятие Сибири "извне" как отдельной, «чужой» страны, населенной «дикими сибиряками», «места каторги и неволи» сменяется на взгляд "изнутри" как «своего», освоенного

пространства, дарующего несметные блага и отличающегося особой силой местных жителей.

Бинарность образа Сибири становится отличительной чертой «сибирского» текста, репрезентирующего данное пространство. Несмотря на то, что по принципу бинарности, антитезы, построены все провинциальные тексты, особенность мифопоэтики Сибири заключается в полисемантической абсолютно всех уровней данного художественного пространства.

1. Природный ландшафт. Географические характеристики региона становятся в литературе «смыслообразующими», во многом предопределяющими представление о нём. Географические координаты местности формируют её метафорическое восприятие: «географический образ как символ подразумевает возможность разворачивания, «разархивирования» целого комплекса представлений, связанных с определенной территорией» [Замятина, с. 208]. В этой связи анализ «сибирского текста» невозможен без выявления основных черт Сибири как географического пространства.

Основной характеристикой климата Сибири является «лютый зимний холод» (33). **Зиму, холод и снег** должно признать константой сибирского пейзажа: «утро было холодное» [64], «воздух сырой и холодный» [70], «становилось всё холодней и холодней» [93]; «всё время в лицо сыплет снег» [58], «стояла прочная зима, лежал снег» [61], «сыпал непрестанно колючий снег, и свистел ветер» [86]. Холод настолько всеобъемлющ, что **«замораживает» даже солнце**: «под холодными лучами зимнего солнца» (85), «холодное зимнее солнце» (53).

Однако при всей своей суровости природа Сибири чрезвычайно **живописна, изобилует** растительностью и животным миром. «Дичины всякой вволю: толстый рябчик-кедровик; красноглазый тетер, токующий до одури по зорям; куропаточка пёстрая, зайчина трусливая, богатый приводок в виде груздя сухого, рыжика, княженики, морошки, клюквы, «сибирского разговорца» шишек кедровых – уйма непочатая. Там, в тайге, бегут ручьи студёные, а в них муксун да сазан полощутся, нырок кувыркается. Там мох, что твоя перина пуховая, а уж

птичьих песен, звёздных ночей, зорек розовых, гроз громовых – этого языком не передать сибирскому бродяге, а только всё это лелеет его душу и неудержимо тянет к себе» (28).

Тайга – главный пространственный образ Сибири; взгляд приезжего из любой точки направлен на лес, который предстает перед героем стеной. И этот незнакомый ландшафт поражает сознание героя: «Головокружительно огромные деревья встали со всех сторон, сонные, сумные» [106], «долго всматривался учитель в недвижную стену векового леса. **Глубокое, ровное и спокойное чувство** наполнило сердце. Так это тайга!» [76]. Но в то же время Западная Сибирь в географическом понимании – равнина. И простор региона, создаваемый бесконечной протяженностью территории, создаёт ощущение незащищённости: «потом повернули ещё куда-то, и почудилось, что поехали назад» [59], «один среди бесконечного поля... И сзади, и с боков **набежала на меня белая пустыня, холодом вбивается мне в грудь, режет лицо**» [19]. Приведённые цитаты из повестей С. Карцевского позволяют назвать лес **завораживающим**, а равнину – **пугающим** пространством, «пустыней».

Однако пространственные образы тайги (леса) и тундры (равнины) наделяются в «сибирском» тексте и другими коннотациями. В сознании путешественника К. Носилова простор сибирских территорий – **свобода**, в то время как лес – **колония**: «и он (вогул Савва) жил, не выходя из неё, не желая нарушать покой своей души, прячась в лесу, даже не выезжая на простор могучей Оби, как делают это почти все другие обитатели его края, словно желая вздохнуть простором, дать свободу задавленному лесом уму и воле» [Носилов, с. 76].

В «Очерках» Н. Лухмановой бинарным становится само пространство тайги. **Жутким** предстает оно в контексте зимнего пейзажа: «за лесом шла глухая тайга, и, когда сильный ветер бушевал в ней, она **колотилась** своими **обледенелыми иглами** и **выла протяжно**, долго, как стая голодных волков» (52). В то же время в тайге воплощён образ **земли-кормилицы**: «Там в густой тайге чуть не у каждого была припасена своя нора "про всякий случай". Ружьё, порох, рубленый свинец, запас муки да соли – вот основное богатство варнака, всё

остальное даст лес» (33). Становится тайга и последним **пристанищем** сибирячки Фелицаты: «**громадный кедр**, у пня которого она сидела, спустил вдруг ветви и заплёл её, **закрыл, что стеной**, и уж только **глухо-глухо слышит** она, как шумит и рвётся муж её, и всё тише, тише кругом, ничего не видно, только... ах!» (54).

Бинарность природного ландшафта Западной Сибири заключается, таким образом, в сочетании губительного холода и чрезмерных природных богатств, дихотомии пространственных образов тайги (леса) и тундры (равнины), и неоднозначности их характеристик. Географическое положение Сибири по отношению к остальной части России позволяет выявить и другие коннотации данного пространственного образа.

2. Лиминальность пространства (В. Тюпа). Сибирь отделена от остальной части России естественной границей (Уральский хребет и Урал-река). Фактор *недоступности* наложил на Сибирь свой отпечаток: долгое время она воспринималась как отдельная страна, а географическая граница в виде Уральских гор мифопоэтически рассматривалась как место перехода в другой мир. Акцентируем внимание и на отмеченных ранее особенностях Сибири: место каторги, ссылки, долгие зимы, невыносимые холода – всё это формирует мифологический образ загробного пространства, страны мёртвых. «В мёртвой тишине мёртвой тайги слышно хрустение человеческих костей, – лакомится какая-то хищная тварь мясом человеческим» [Успенский, с. 443].

Эпитетом «мёртвый» наделяется и снег («даже теней нет **на мёртвой снегу**» [14]), и тишина («шаги учителя отдаются **в мёртвой тишине**» [103]). Отсутствует жизнь и в самом сибирском городе: «Зимой городок заметало снегом, над ним выли вьюги, и ни души не показывалось на улице, ... **всё вымирало и вымерзало**» [24]. Смерть на территории Сибири не только метафора. В «Очерках» Лухмановой находят свою смерть в Сибири многие герои. Так, Фелицата не находит сил избавиться от греховной любви и отдаёт Богу душу в сибирской тайге, старик Самсон Силыч из ревности рассекает топором голову невестке, за что сын заживо заколачивает его в скрыне. Варнаки жестоко убивают еврейскую семью, а их дочь на утро находят

повешенной на остоле ворот. Рождается мёртвым ребёнок Василисы, вслед за ним из жизни уходит и она сама. И это далеко не полный перечень трагических историй, произошедших на сибирской земле.

В то же время В.И. Тюпа, размышляя о «фундаментальной могильности» сибирского пространства, отмечает: «это вообще отнюдь не inferнальный хронотоп окончательной и бесповоротной смерти. Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [Тюпа, с. 28].

С этой точки зрения, Сибирь всё так же воспринимается как иной мир, однако "иной" в данном контексте не значит "мёртвый", а, напротив, сулящий новую жизнь. И действительно, произведения Н. Лухмановой и С. Карцевского отражают перерождение сознания тех героев, которые открывают для себя мир природы глухих мест Западной Сибири. Примечательно, что процесс изменения сознания и жизни вообще затрагивает всех изначально "чужих" сибирскому пространству героев без исключения. В настоящем параграфе мы рассмотрим два подобных случая.

Стекаются в Сибирь из разных уголков России переселенцы. «Всем-то жутка, всем-то чужда чужая сторонущка» (284), «а страсть к бродяжничеству да надежды на лучший заработок в ином, новом месте, где нет конкуренции» (281) «прибивают» к общему движению. В центре очерка «Переселенцы» Лухмановой оказывается история Настасьи Нефёдовой. Переход через границу Сибири оказывается губительным для её отца: «Тифозный был, ещё вчера в больницу перевели, теперь, гляди уж, и в гроб заколотили, утречком с другими похоронят» (281). Смерть единственного близкого человека оставляет девушку один на один со ставшим враждебным пространством Сибири; наплывает тоска по родным местам. Однако разговор с дедом Захаром меняет представление Насти о смерти и открывает новый для нее мир: «Ей хотелось ещё думать об отце, о себе, о своей сиротской доле, да слова старого Захара дали другое

направление её мыслям, стыдно ей стало стонать да плакать, когда возле сидел Андрей с тремя сиротами ребятишками» (286). Теперь Настасья видит свое предназначение в том, чтобы разделить нелёгкую долю вдовца, поднимать его детей: «И до самого утра, до светлой розовой зорьки сидели на крылечке, обнявшись, Настя с Андреем, и не страшно им было, что увидят их люди: чисты были их сердца, чисты помыслы, в одну радость слили они два горя и любовь свою, что шатёр верный, над головами детей раскинули» (287). Таким образом, для Настасьи **переселение в Сибирь стало обрядом инициации**: она переживает испытание смертью отца и вместе с тем обретает новые для себя ипостаси жены и матери.

Путь духовной инициации проходит и белокриницкий архиерей Афанасий из одноимённого очерка Н. Лухмановой. В прошлом беглый солдат, воспитанный на старообрядческих книжках, он освоил «поповское ремесло». «Правил» Афанасий службы, читал проповеди, и авторитет священнослужителя стал непоколебимым: «что клубень перекаати-поле, **что ком снежный, рос и богател Афанасий**, липли к нему денежки» (214). Стал лже-архиерей без зазрения совести наживаться на старообрядческой вере. Однако будучи гостем в доме сибирских старообрядцев, он чуть ни был пойман исправником. Хозяйка дома Устинья Еврафовна вывела Афанасия через подземный ход: «Тихо, пусто было в подполье. С недоумением и тревогой осмотрелся кругом отец Афанасий и вздрогнул. Освещённые огнём большой лампы, строго и пристально глядели на него большие очи. Невольно сделал он шаг вперёд и рассмотрел потемневший лик Богородицы на старинной иконе» (270).

Финал очерка посвящён преображению Афанасия, он выходит из подполья другим человеком: «ясно, спокойно было у него на душе; он снова был только Афанасий – человек, ума и сердца которого коснулась рука Всевышнего; **отпала от него гордыня, ложь, и страстно хотелось ему отстрадать и очиститься**. Отныне возьмёт он посох в руки, пещур надвинет на рамена и как странник пойдёт в широкий мир Божий, «веру пытатъ», искать, где истина, где правда Божия. Голодом, холодом, страстной проповедью слова

Божьего смоеет он грех свой» (277). В данном случае перерождение героя происходит путём перехода из подземного пространства, признанного в мифологии хтоническим. Нижний мир связан со смертью, но дарующая силы земля меняет взгляд на подземный мир как на место воскрешения. Для беглого варнака Афанасия **Сибирь стала «чистилищем»**; пристальный взгляд изображённой на иконе Богородицы и «свежий смолистый запах леса» словно избавили его от греховных помыслов.

Сибирь, таким образом, является пороговым (лиминальным) пространством, связанным одновременно с умиранием и воскресением. Мифологема смерти позволяет рассматривать Сибирь как метафорический образ ада. И в то же время Сибирь видится обетованной землёй, пребывание в которой сопровождается внутренним перерождением, что позволяет воспринять её как рай.

3. Сакральные ландшафты. Представление о Сибири как пространстве Эдема получает своё развитие в образе утопического религиозного пространства, Богом хранимого места. Церковь является неотъемлемым элементом ландшафта Сибири: «посреди городка невысокая гора, ... купола церкви горели золотом» [23] («Большая ночь», С. Карцевский); «долго ехали бором..., затем впереди в просвете сверкнула синева неба, глянула церковка» [1] («Село Туман», С. Карцевский).

После церковной реформы Патриарха Никона Западная Сибирь стала пристанищем для приверженцев старой веры. Кержаки бежали в Сибирь от преследований, стараясь сохранить веру отцов и традиционные нравы. Изображение старообрядческой Сибири сопряжено с поэтикой **«тайного» места**. Первые тайные общины староверов стали возникать в Сибири в конце XVII века. Когда гонение на старообрядцев стало массовым, в Сибири появилась целая сеть тайных убежищ, скитов. Старообрядчество стало особой формой колонизации в Сибири. Однако в течение долгого времени правительство подвергало кержаков репрессиям, что вынуждало староверов осваивать новые территории, подчас довольно отдалённые, а в случае, если

военные отряды обнаруживали скиты, старообрядцы придавали себя в них самосожжению [Покровский, Зольникова, с. 169]. Данный обычай находит своё отражение и в романе «В глухих местах»: не желая отдавать свою святую землю под строительство железной дороги, старообрядцы всей улицей поджигают свои дома.

Сокрытие в самой гуще сибирских лесов позволяло кержакам крепко обосноваться и вести размеренный образ жизни: строились дома, велось хозяйство, совершались в построенных часовнях богослужения. Поселения старообрядцев воплощают в себе модель рая; они словно находятся в **райском саду**, роль которого выполняет сибирская природа. Так описывает Лухманова окружение старообрядческого селения Берёзовоярское: «Там бегут быстрые студёные ручьи, текут широкие, раздольные реки с голубой далью, с пышными облаками, проносящимися в глубине их. Там тихо, мягко, как серебряные блюда в зелёной бархатной оправе, лежат громадные озёра; днём в них купается солнце, ночью в искрящейся зыби играет таинственный месяц. Ходит в тех водах рыба стадами, резвясь, живым серебром всплескивает... Всякая птица небесная в изобилии там водится, песни распевает...» (176). В абсолютно сказочной манере воссоздаётся образ сибирской тайги, скрывающей в своих лесах богоугодное, оторванное от всего мира поселение старообрядцев.

Вход в этот райский уголок закрыт не только на пространственном, но и на вербальном уровне: «"Господи Иисусе"», – шепчет нищий, прохожий, заблудший человек, стуча подождком в открытую втулку избы, и с ответным "аминь" открывается оконница для потайной милостыни, неведомая рука выдаёт посильное приношение. Без этой молитвы долго может стучать путник в ворота или калитку: никто не откликнется ему, ибо не призвал он Господа в помощь себе» (177).

Старообрядчество наделяет Сибирь свойствами сакрального, священного места. «Очерки из жизни в Сибири» Н. Лухмановой отражают устоявшуюся мифологию, и в то же время взгляд «изнутри» демифологизирует образ края.

Стремление обезопасить свою территорию от проникновения «чужого» гиперболизированно показано Лухмановой в описании старообрядческих домов. Дом семьи Глазовых **смотрит** с обрыва реки «своими **четырьмя подслеповатыми окнами**». Вход в дом располагается со стороны пустыря, ворота «наглухо закрыты», двери и окна прикрывают «деревянные щиты».

Хранительницей старой веры выступала в доме Глазовых дальняя комната, служившая молельной; в ней висели лампы, стояли иконы, лежали священные книги и ежедневно читались молитвы. Главной особенностью дома было подполье, предназначавшееся по старообрядческим обычаям для добровольного ухода из жизни. «Издавна, от деда к внуку, Глазовы держались веры истинной» (90).

Формально дом семьи Глазовых с точки зрения следования традициям старой веры можно признать показательным. Между тем, хозяин дома Самсон Силыч становится невольным свидетелем любовной встречи невестки Василисы с доктором Вошановым, и чувство ревности вынуждает его выйти из скрыни: «невиданное, неслыханное то было дело – надругался старик над крепкой верой предков, накось, какое дело, из скрыни!» (107). В этой некогда святой обители совершается и ещё один грех: Самсон Силыч убивает Василису топором. А затем сын Самсона, Парамон, став свидетелем этого страшного суда, заколачивает скрыню, оставляя так отца, и скрывается в дальнем ските.

Семиотика пространства скрыни и самого старообрядческого дома как святого места разрушается: оно не выполняет основной своей функции, не становится убежищем.

Неоднозначный характер следования старой вере прослеживается и в историях других героев Лухмановой. Так, Иван Круторогов воспитывался в традициях старой веры; «к восемнадцати годам Ванюшка вытянулся в ... тёмного старовера, подчинённого мельчайшему исполнению религиозных обрядов» (26). Однако его поклоны перед иконами, зажигание свеч и молитвы носят сугубо формальный характер; Иван как заведённый повторяет действия, которые прививали ему с самого детства, а отдав дань традициям

старообрядческой веры, принимается за спиртное, которое он хранит под столом с иконами. Сосудом для содержимого бутылок служит Ивану лампада – светильник, используемый в христианском богослужении. Опьянев окончательно, Иван Круторогов начинает каяться. Затем опять напивается, и так по кругу.

Разворачивается в старообрядческом селении Берёзовоярское личная драма православной девушки Варвары, ставшей невесткой старообрядческой семьи. «Как ни любила Варвара Илью, а чужой она себя в суровой семье чувствовала, чужой и во всём селе была она, все свычаи и обычаи, и работа, и отдых, и праздник, и молитвы – всё чужим Варваре казалось» (193). Чувствуя на себе грех предательства собственной веры и осознавая невозможность жить по православным обычаям, девушка родила мёртвого младенца и сама оказалась при смерти. А её муж, кержак Илья, выполняя последнюю волю жены, отвозит её домой на покаяние к священнику, предавая тем самым свою старообрядческую веру и отрекаясь отныне и навсегда от отчего дома.

Сакральный ландшафт представлен в «Очерках» Н. Лухмановой не только скитами старообрядцев, но и пространством Ивановского монастыря. Рассмотрим образ монастыря в контексте судьбы Фелицаты. Свекровь отвозит девушку в Ивановский монастырь каяться в измене мужу. Но страсть к возлюбленному инженеру Вязьмину настолько сильно охватывает героиню, что в стенах монастыря она видит кошмарный сон, «дышит тяжело, со стоном, и слёзы, что дождь, и текут, и текут из закрытых очей» (48).

Избавиться от душевной боли Фелицата смогла лишь вне стен монастыря. Девушка уходит в лес, очаровывается его красотой и погружается в «истому блаженства». Здесь душа сибирячки обретает вечный покой. В «Очерках» Лухмановой монастырский ландшафт не формирует каноническое поведение, свойственное традиционному представлению верующего человека. Истинную помощь в очищении от греха оказывает героине природный мир.

Сакральный ландшафт Сибири, таким образом, дихотомичен. Парадоксальным образом истинная вера старообрядцев оказывается тесно

связанной с греховностью. Мир старообрядцев реализует поэтику «тайного» места в образах «тайников», «скрытых часовен», «тайных бесед», «рукописных раскольничьих книг» и в то же время раскрывает мотив «глухого места» («высокий глухой забор», «наглухо запертые ворота», «тёмная пасть подполья») – глухого и к страстям самих старообрядцев. Поистине религиозным пространством «В глухих местах» становится природный ландшафт.

Помимо религиозной, в Сибири протекает и насыщенная мирская жизнь, основу которой составляет купеческий слой общества.

4. Усадебный ландшафт. Купеческие усадьбы подчеркивали богатство и просвещённость своих хозяев. И даже в самой глуши Сибири помещичьи усадьбы отличались особым статусом. Герой повести С. Карцевского «Село Туман», попадая в дом купцов Поповых, отмечает: «Я уже привык за долгую дорогу к убогим вогульским жилищам, где кроме лавок, и соломы на полу, не встречаешь никаких удобств, и меня очень удивила вся эта полумещанская получиновничья городская обстановка» [2].

Богатство купеческой усадьбы отражено и в описании дома купца Круторогова (роман Н. Лухмановой «В глухих местах»): «подушки в персидских наволочках», «ковры из коровьей шерсти», перины похожи на «купчих после сытного обеда». Однако фасад усадьбы отражает типичные черты обустройства купеческого жилища, в то время как индивидуальное проявление усадебного ландшафта следует искать в описании внутренней территории. В усадьбе Крутороговых она представлена садом, который посещался только домашними и близкими гостями. Сад отличается скромной обстановкой (протёртый диван, створчатый стол и шкафчик), а также особым к нему отношением хозяйки дома («укромный уголочек», «приятная духовитость»).

Тыльная сторона дома противопоставлена фасаду. Открытый двор отражает богатство, напыщенность купеческого образа жизни; сад формирует ощущение семьи, защищённость этого места подчёркивается словами «уголочек», «шкафчик», «замочек», «гостыюшка».

Однако и собственное пространство хозяина дома, «самодура и зверя» Круторогова, названо «кабинетиком». Мужская половина служит и местом хранения богатства (здесь стоят сундуки, в которых, по слухам горожан, купец хранил деньги), и местом работы (в кабинете купца находится «конторка, за которой он само сводил счёты своих кожевенных заводов» (37)). Как и в женской половине дома, в обустройстве личного пространства Круторогова чувствует рука хозяина – старая мебель и сундуки с разным добром создают образ помещения, к обустройству которого непосредственное отношение имеет сам хозяин.

Территория самой усадьбы, с целью охраны имущества, огорожена мощным забором. На его фоне «окрайные» дома кажутся ещё более «низенькими» и «кривобокими». Однако в числе построек усадьбы есть помещение, объединяющее богатый купеческий дом с периферией города – особая роль отведена крутороговской кухне. Здесь собираются не только работники усадьбы, но и жители разных сословий: «щедро оделялись хлебом насущным» в доме богача Круторогова («как и во всех богатых домах города») нищие (25). На кухне один за другим подаются блюда: «груда мясных пирожков», «пряженцы», «шанижки». Описывается и прием пищи самого купца: «Он только что съел жирный пирог с нельмой и потянулся запить его стаканом домашнего пива» (19). «Гостеприимство в Сибири процветает как корень добродетели: накормить, напоить и успокоить даже в течение недели и более сторонника или заезжего по делу, но человека бедного всякое семейство как бы обязано и не возьмёт за это ни копейки» [Колмогоров, с. 281]. Таким образом, кухня крутороговской усадьбы служит примером народного быта Западной Сибири, олицетворяет собой домашнее, уютное пространство, где нуждающиеся находят заботу и поддержку.

Общая структура усадьбы купеческой семьи Крутороговых отражает, с одной стороны, устойчивые образы: традиционные локусы (дом, флигель, сад), ежедневные хлопоты хозяев и работников усадьбы, символику благосостояния дома. Вместе с тем, культурные ландшафты Сибири формировались

в некотором смысле как антиевропейские [Замятин, с. 87], поэтому усадебная культура городов Западной Сибири отличается от утвердившихся в европейской части России приемов ландшафта.

Во-первых, сибирская усадьба изначально формировалась как городская (в отличие от загородной европейской), поэтому дом Круторогова является, по совместительству, конторой: на галдарейке, выходящей во двор, «сидели татары, ожидавшие «бачку Артамона» для расчёта за кожу» (16).

Во-вторых, дом Круторогова не несет признаков определённого стиля, выполнен из дерева, а не из камня. Садово-парковый ландшафт также сформирован без опоры на модные приёмы того времени. Он создавался в течение долго времени трудом самих хозяев: «среди лужаек стояли три стройных тёмно-зелёных кедра, посаженных Артамоном в честь трёх сыновей» (16), «старший кедр посажен давно, как ещё и сада здесь не было» (166).

Обратимся к описанию сибирской усадьбы, занимаемой приезжими из Петербурга инженерами. Так же, как дом Крутороговых, жилище инженеров представляет собой комплекс построек: «дом с тремя дворами, пристройками, баней и садом» (110). Наполнена усадьба, как подобает поместьям, служилыми людьми: инженеры наняли «кухарку Татьяну... Та пристроила к ним для "убирки" комнат и чинки белья свою племянницу... К лошадям понадобился кучер ..., а так как дворы не могли остаться без караульного, то сам собой завёлся у ворот какой-то черномазый Абдулка» (110).

В описании дома инженеров Лухманова делает акцент на свойственных сибирскому интерьеру особенностях: «дом, занимаемый инженерами, был деревянный, в нём по сибирскому обыкновению было удивительное количество окон, что придавало некоторым комнатам, густо заставленным притом цветами, вид каких-то оранжерей» (110). Ср. описание старообрядческого дома: «Окна единственного этажа без занавесок, почти сплошь закрытые внутри цветами и вьющимся плющом» (86), кельи в монастыре: «светлая комната, единственную роскошь которой составляли цветы» (45). Тема оранжереи поддерживается образом сада, одним из ключевых для сибирского дома.

Сравнение купеческих усадеб, представленных в очерках Лухмановой, позволяет выявить противоположные мифологемы сибирского усадебного ландшафта. С одной стороны, это гиперболизировано закрытое пространство (мощная ограда) с различного рода символами достатка (предметы интерьера, большое количество помощников). Однако взгляд повествователя проникает на внутреннюю территорию – сад, кухня, мужская и женская половина дома придают купеческой усадьбе особую духовитость. Сибирский дом отражает поэтику бытового поведения живущего в нём человека.

1.3. КОНЦЕПЦИЯ «О-СВОЕНИЯ МЕСТА»

Региональная литература в отношении сибирского края делится на два типа: собственно сибирская литература и литература о Сибири. Особенностью последней является тот факт, что авторами «сибирских» текстов становятся люди, попавшие в эти места в силу каких-либо обстоятельств. Предметом изображения их произведений становится путь русского в Сибири; на первый план выходит конфликт «своего» и «чужого». Писатели через призму своих героев выражают собственный взгляд на Сибирь, показывают, как «опыт жизни здесь» (Данилина Г.И., Эртнер Е.Н.) повлиял на них самих.

Так, Лухманова подчёркивает документальную основу очерков предпосланным к ним замечанием: «Из личных воспоминаний автора, пробывшего пять лет в "глухих местах"».

Это дополнение весьма существенно, так как «на первом плане при изучении региональной словесности должны находиться личность писателя, его самосознание, т.е. стремление ассоциировать свою деятельность с регионом, соотносить свою биографию с его исторической судьбой» [Анисимов, с. 6].

Задача настоящего параграфа – выявить специфические черты образа Западной Сибири Лухмановой и Карцевского в индивидуальной авторской **концепции «о-своения»** (буквально «делания своим»).

В рамках обозначенной концепции особой интерес представляет для нас повесть С.И. Карцевского «Ямка», отражающая эволюцию взгляда

рассказчика на Сибирь. Главный герой, учитель, держит путь в сибирское село Сатыгу, но вследствие плохой погоды задерживается в с. Ягодном. Проводя свой досуг с местными жителями, учитель отправляет на рыбалку: «Ещё далеко, когда-то приедешь, кто там – что за люди живут. Вспоминаются остячишки, о которых говорила Даша – живут-де грязно, из одной посуды с собаками едят» [20]. Однако при личном знакомстве с остяками миф в сознании героя разрушается: «Удивляло то, что остяки, оказалось, самые обыкновенные люди. На них не было звериных шкур, не было луков в руках» [24].

В повести также отражена мифологема Сибири как пространства тишины и скуки: «Вместе с сумерками надвигалась **глухая тоска** ...**Тоска** всё надвигалась. **Скучно** было вдали от своих, **тоскливо** было без дела, **одинок**о было» [14]. Пугающим кажется герою и молчание местных жителей: «Учитель почувствовал себя **чужаком среди нескольких десятков серьёзно молчаливых** мужиков. Он не понимал, где он и зачем» [50].

Спустя несколько недель пребывания в сибирской провинции «мало-помалу учитель освоился с окружающей жизнью, и многое из того, что раньше казалось ему непонятным и запутанным, стало ясным» [30]. Он чувствует, как меняется его отношение к этому новому миру. Герой иначе воспринимает и местную природу («учитель почувствовал, как **мирно и тихо** стало на душе» [28]), и местных жителей («угрюмый Митрий встал в воображении, и здесь на этом тихом уголке среди ив, над рекой черты лица Митрия **смягчились**. Дедка Василий стал таким **милым**, ямкарка в желтом платье с цветочками вспомнилась **простой и сердечной**» [28]).

В повести Карцевского «Ямкарка» демифологизация образа Сибири происходит путём принятия героем роли «своего»: учитель живёт в доме местных жителей, разделяет с ними их быт и промыслы. Но, несмотря на обретение душевного спокойствия и доброго расположения местных, учитель навсегда остаётся «чужим» для жителей этого села. Заметим, что с. Ягодное и родной город Карцевского Тобольск территориально относятся к одному пространству, Западной Сибири. Однако герои его произведений воспринимают

эти места по-разному. Как было отмечено ранее, писатель, воспроизводя образ того или иного локуса, вкладывает в него своё собственное осмысление/переживание Места. В связи с этим сознание рассказчика **автобиографических** повестей Карцевского во многом отражает его собственный взгляд.

В данном контексте интерес вызывают аналогичные ситуации присутствия героев на берегу реки. В «Ямкарке» рассказчик «не торопясь, спускался по тихому отлогому берегу. За спиной глухо **нашёптывала** тайга о чём-то **недоступном**. Учитель шёл по **одинокому** берегу и несколько раз оглянулся, ему всё казалось, что **кто-то идёт сзади**... Было чувствительно **холодно**, и река подо льдом казалась такой студёной и **жуткой**. – Вот если бы теперь пойти по льду, – подумалось; стало **страшно** от мысли, что можно **провалиться** в чёрную холодную глубину, и всё будет **глухо, безответно** кругом» [24].

Повесть «Большая ночь» не датирована, однако имеющееся в тексте указание «прошло целых десять лет» [26] и сама тема – воспоминание о детстве позволяет предположить, что в 1917-1919 гг. Карцевский побывал в родном городе Тобольске. «**Несколько часов** я провёл над рекой, **любуюсь** её зеркалом... Поток воспоминаний нахлынул на меня, закружило мне голову, защемило сердце...**Хороши** были вечера за рекой. Над её стеклянной поверхностью пелись **песни** всю ночь напролёт. А мы сидели на берегу, **рыбачили, смеялись, мечтали** и пели» [23, 24].

В приведённых отрывках автобиографических повестей описание пейзажа территориально близких поселений через призму одного автора разительно отличается. В «Большой ночи» сибиряк посещает места своего детства, и они рождают исключительно приятные воспоминания; в «Ямкарке» герой (тоже житель Тобольска) воспринимает природу с. Ягодное иначе, хотя формально и в данной ситуации он является здесь «своим», настоящим сибиряком. Данное наблюдение обращает наше внимание на локус, т.е. конкретную территорию, и позволяет рассматривать конфликт «своего» и

«чужого» не только в глобальном контексте Сибири, но и в отношении отдельных её мест.

В очерках Лухмановой воссоздаётся освоенное самой писательницей географическое пространство Тобольской губернии, в тексте фигурируют реальные названия населённых пунктов (Тобольск, Екатеринбург, Берёзово), изображены значимые для региона культурные объекты (железная дорога, заводы, Ивановский монастырь и др.).

В очерке «В глухих местах» своеобразным центром, вокруг которого сконцентрированы все события, стал город Тюмень. Его географическое пространство воссоздаётся с детальной точностью. В романе встречаются названия р. *Тюменки*, р. *Туры* (Лухманова даёт его в укороченном виде – «Т-ы»). Промышленные предприятия Тюмени находятся в *Заречье*. Пешеходный маршрут дьякона Савки проложен по *Царской улице* (ныне, ул. Республики).

Особенный колорит прослеживается в романе Н. Лухмановой «В глухих местах» при описании заречной части города, где располагались промышленные заводы. Отходы, которые образовывались вследствие выделки кожи, выделяли такой неприятный запах, что переносить их «могли только носы зареченских жителей» (24). Однако не только запахи, но и царящая в городе тишина не давала приезжим покоя. Ссылный доктор Воцанов наделяет её отрицательной коннотацией: «**Жуткая, чужая тишина** стояла кругом его» (97). То же чувство испытывает петербургский инженер Вязьмин: «Молчание же этого **чужого** города, казалось ему, было полно какого-то смутного **недоброжелательства**» (113).

Недоброжелательно выглядят и сам город. Стекланный завод, принадлежащий купцу Овечкину, помимо природной ограды в виде леса, обнесён «высоким забором с гвоздями и битым стеклом наверху». За выкрашенным в цвет крови забором кожевенного завода Круторогова «день и ночь слышалось **бряцанье и свирепый лай собак**». Сибирский дом предстаёт в очерках Лухмановой крепостью, и сам город в сознании приезжего – «каменный», «враждебный».

Приезжие особенно остро чувствовали недоброжелательную атмосферу сибирского города в вечернее время, в то время как сами сибиряки, в кругу семьи и друзей проводили званые вечера. Во время застолья нелюдимые сибиряки отличались весельем и открытостью: купец Круторогов «хохотал от восторга», собравшаяся в его доме компания тоже «хохочет, обнимается, лбызается и пьёт». Лухманова ставит перед собой задачу демифологизировать представления о сибиряках как о варварах и дикарях, она изображает истинный характер этого народа.

Особенностью изображения сибирского города Лухмановой является обособленный характер окружающего его мира природы.

Поэтика природного ландшафта «Очерков» отличается обилием фольклорных символов: «выкатился полный месяц», «поднялась трава зелёная», «зачирикали воробушки», «бежит ночь и близится алый рассвет». Повествователь использует олицетворяющие природу формы глагола: «из леса **вырвался** первый утренний ветерок и **пробежал** по реке» (94), облака «**неслись** по небу, **догоняли** друг друга» (115), «**бежит** речонка Пагуба» (79).

Изображение тайги также основано на приёме антропоморфизма: «у стройных елей все **пальцы** были обёрнуты искрящимся инеем» (35). Природа в романе субъективируется, обретает собственный «голос»: «река **зашумела**» (87), «тайга **выла** протяжно» (52), «лес **оживает** и **голосит**» (35). Тайга, как человек, способна чувствовать: «солнышко ... **приласкало** своими лучами богатырский труп беглого дьякона Савки» (85), «звёзды, как **испуганные**, мелькали то тут, то там» (115), «срываются красноглазые глухари, затоковавшие до одури **про любовь**» (37).

Анализ ландшафта сибирского города в очерках Н. Лухмановой позволяет выявить конфликт «своего» и «чужого» и обозначить границы его проявления. «Своим» предстаёт пространство сибирского леса для местных жителей (Фелицата, Парамон, варнаки) и заречная часть города для живущих и хозяйствующих на ней купцов. Особое отношение сибиряков к этим пространствам подчеркивается на уровне обоняния (дурманящие ароматы леса,

терпимые запахи одубины). Природный ландшафт отражён в очерках только в восприятии сибиряков. В то же время для приезжих запахи и звуки (лай собак) сибирского города невыносимы, и потому в их сознании он наделён характеристикой «чужой».

Образ сибирского города в очерках Лухмановой строится, таким образом, на приёме контраста. Сам город противопоставлен миру природы: тайга воплощает в себе черты волшебного пространства и наделяется символикой сакрального. Поэтому герои-сибиряки находят своё пристанище и покой в сибирском лесу. В сознании же приезжих сибирских город, а вместе с тем и сибирская природа, явлены как закрытое, страшное пространство.

Особый интерес в анализ ландшафта представляет для нас возможность нового взгляда на интерпретацию сюжетного уровня. Герои романа Н. Лухмановой, замужняя сибирячка Фелицата и петербургский инженер Вязьмин, занимают разное социальное положение и разный статус по отношению к Сибири. Но их объединяет взаимное чувство влюблённости.

Атмосфера приусадебного сада воспринимается инженером Вязьминым так же, как ощущает себя Фелицата в сибирской тайге. Тишина сменяется изредка пролетающими птицами (*«если случайно Вязьмин дотрагивался до какой-нибудь ветки дерева, над ним раздавались испуганные птичьи голоса» (130)* и над головой Фелицаты *«с ели снялась громадная ворона и, помахав тяжёлыми крыльями, понеслась над лесом с пронзительным громким карканьем» (53)*). Взгляд героев направлен вверх и упирается в мозаику ветвей (*«Фелицата оперла голову о ствол кедра и сквозь опустившиеся ветви стала глядеть вверх на клочок голубого неба» (54)* и Вязьмин, *«подняв голову, сквозь мелкую сеть спутанных ветвей глядел на звёзды» (130)*). И оба наделяют сибирскую природу эпитетом «сказочная» (*«Словно сказка, - подумала Фелицата, - безмолвно, тихо всё кругом... ни человеческого голоса, ни крика звериного» (53)* и Вязьмину *«в тёмной ночи аллея казалась сказочным царством, в котором деревья жили, двигались и сообщали друг другу какие-то таинственно-страшные сказки» (130)*).

Писательница намеренно подчёркивает схожесть восприятия Фелицатой и Вязьминым сибирского ландшафта как сказочного, сближая тем самым не только мировоззренческую, но и чувственную природу героев.

Таким образом, процесс «о-освоения» Места творческим сознанием Лухмановой происходит в двух направлениях: во-первых, писательница отражает добродушный и гостеприимный характер сибиряков, во-вторых, наделяет сибирскую природу свойствами живого человека и показывает особое к ней отношение не только «своих», но и «чужих».

ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

2.1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «СИБИРСКИХ» ТЕКСТОВ Н.А. ЛУХМАНОВОЙ И С.И. КАРЦЕВСКОГО

Само словообразование термина «лингвокультурология» строится на переходе от языка (лат. *lingua*) к культуре: объектом её изучения является язык, выражающий культурологические понятия. В рамках данной дисциплины рассматривается национально-культурный компонент слова, выходящий за пределы словарного значения. Ключевым становится понятие «**концептосферы**» языка (Д.С. Лихачёв) и «языковой личности», выступающей её носителем. «Концепты возникают в сознании человека... как "намёки на возможные значения" и как отклики на предшествующий языковой опыт» [Лихачёв, с. 152]. Единицы языка, обладающие таковым потенциальным значением, обозначаются как «лингвокультуремы» (В.В. Воробьёв).

Лингвокультуремой может быть признано отдельное слово (берёза), словосочетание (русская душа), пословица, крылатое выражение, а также отрывки из художественных произведений и произведения в целом [Брагина, URL]. Последнее приобретает особую значимость в контексте упомянутой «концептосферы» языка, а вместе с ним и культуры: «особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям»; «концептуальная сфера, в которой живёт любой национальный язык, постоянно обогащается, если есть достойная его литература» [Лихачёв, с. 156, 162].

Лингвокультурология, зародившаяся как автономная область лингвистики, приобрела свойство междисциплинарного характера, что позволяет применять её методы и в рамках литературоведения, то есть рассматривать текст как носитель и выразитель культуры.

Однако текст в некотором смысле превосходит слово, он сложнее. И лингвокультурология на базе филологического анализа условно расширяет круг своих интересов: рассматривает отражённые в тексте исторические, географические, социальные и другие реалии. Объект изображения

художественной литературы различный – жизнь человека во всех её проявлениях, растительный и животный мир – и всё это в комплексе, а не в отдельно выраженных лексемах содержится в тексте и может быть рассмотрено через призму культуры.

Вынося в заглавие настоящего исследования понятие «лингвокультурологический аспект», мы не можем оставить без внимания существующую в научном дискурсе терминологическую конкуренцию «лингвокультурологии» и «лингвострановедения». Несмотря на то, что «лингвострановедение и лингвокультуроведение – это термины, в общем и целом называющие одну и ту же область знаний» [Верещагин, Костомаров, с. 37], и они могут быть рассмотрены как взаимозаменяемые, выделяемые исследователями особенности лингвокультурологии позволяют в рамках настоящего исследования отдать предпочтение данному понятию.

«Лингвокультурология изучает **национально-культурную семантику языковых единиц** с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры» [Воробьёв, с. 84]. Таким образом, методы лингвокультурологии направлены на снятие межкультурных барьеров, они помогают проникнуть в национальную культуру говорящих.

«Лингвострановедение ... занимается извлечением культурной информации из лексем и фразеологизмов с целью обучения языку, лингвокультурология – дает знание культуры носителей данного языка» [Зиновьева, с. 15]. В настоящем исследовании нами выдвинут **литературоцентричный принцип** работы с художественным текстом, предполагающий не изучение языка как такового (что является задачей лингвострановедения), а филологический анализ, рассматривающий собственно текст и заключённые в нём архетипические образы и культурные коды.

Лингвокультурологический аспект изучения «Очерков из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой и «Из прошлого, из далёкого» С.И. Карцевского заключается в анализе данных текстов как феноменов культуры, с одной стороны, и

носителей культурных кодов – с другой. Признавая, что художественное произведение есть отдельно взятый концепт, мы рассматриваем его в историко-культурном контексте, как условный продукт национальной системы в целом. В то же время художественные тексты отражают индивидуально-авторский способ восприятия мира, и тогда мы можем говорить о концептах художественного мира того или иного произведения.

Так, в рамках изучения произведений Лухмановой и Карцевского в иностранной аудитории предлагается сформулировать базовые идеи концепта «сибирского» текста, а также выявить смысловое наполнение пространственных концептов, входящих в понятие «литературный ландшафт Западной Сибири».

Лингвокультурологический потенциал художественных текстов основан, прежде всего, на **аутентичном характере** материала. В контексте обучения иностранному языку аутентичные тексты «являются источником получения знаний о культуре инофона, расширяют диапазон языковых средств, позволяют учащимся оценить их употребление с точки зрения уместности и соответствия конкретной ситуации» [Гез, с. 197]. Опора учебного процесса при изучении иностранного языка на аутентичные речевые ситуации закреплена и в общеевропейских рекомендациях Совета Европы («Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка»). Важной составляющей аутентичности текста является отражение в нём «фактов и особенностей национальной культуры», возможность «усваивать новые знания, ценности изучаемого языка» через текст [Гейко, URL].

Таким образом, работа с аутентичными текстами в процессе обучения иностранному языку способствует снятию не только языковых, но и межкультурных барьеров; формирует **культуроведческую компетенцию** инофонов. В настоящем исследовании понятие «аутентичный текст» трактуется нами как текст, созданный носителем языка и отражающий страноведческие и культурологические реалии.

Региональная литература как художественное осмысление пространства тесно связана с такими направлениями как «региональная культура», «регионализм», «культурная география». В научном обороте наряду с понятием «литературное гнездо» («группа местных писателей, связанных общностью воззрений и культивирующих тот или иной вид творчества, имеющий локальную окраску» [Пиксанов, URL]), активно развивается **концепт «культурное гнездо»** (Н.К. Пиксанов). Данный концепт подчёркивает существование местных культурных процессов и позволяет говорить об особой, отличающейся от общенациональной, культуре отдельного региона.

Культурологическая специфика региона, отражённая, в том числе, в художественных текстах, может быть рассмотрена с двух позиций: «во-первых, это культура в географическом пространстве, во-вторых, это географическое пространство в культуре» [Стрелецкий, с.11]. В первом случае можно говорить об «объективной» стороне отражения пространственной образности, т.е. тех культурных характеристиках, которые придают территории неповторимость и уникальность. Вторая точка зрения на региональные особенности – «рефлексивная», отражающая представления людей о данной территории.

Принимая во внимание два взгляда на изучение культурологической составляющей региона, мы разработали учебные материалы по изучению «сибирских» текстов Н. Лухмановой и С. Карцевского на основе двух подходов к анализу пространственной образности Западной Сибири в иностранной аудитории.

Изучение творчества Лухмановой выстроено на основе фрагментов романа «В глухих местах», точнее – на истории его героини Фелицаты (девушку отправили в монастырь каяться в греховной связи с приезжим инженером; однако не в силах отказаться от своей любви, сибирячка отдаёт богу душу в "объятиях" старого кедра). В ходе чтения отрывков и выполнения сопутствующих им заданий, иностранные учащиеся формируют представления о двойственном образе сибирской природы (отдалённые, суровые, но тихие и сказочные места), об

особом отношении сибиряков и природного мира (кедр укрыл Фелицату, пряча от злобного мужа, бегущего к ней в видениях). Вместе с тем учащиеся получают сведения о поверьях (ворона – предвестница смерти), о литературном приёме олицетворения (и учатся находить примеры в тексте).

Занятия по повести С. Карцевского «Ямкарка» строятся на основе развития её сюжетной линии. Отрывки для чтения выстроены в последовательности, соответствующей знакомству героя с Сибирью: представление о сибиряках – дорога в Сибирь – первые впечатления – жизнь в Сибири – мысли перед отъездом. При таком подходе учащиеся имеют возможность проследить эволюцию сознания героя. Выбранные отрывки отражают устоявшуюся мифологию Сибири как «чужого», «глухого», «страшного», «холодного» места. В связи с тем, что данное восприятие Сибири можно признать традиционным, возникает возможность привлечения личного опыта учащихся: в ходе занятия им предлагается высказать свои первоначальные суждения об этом регионе, выявить сходство и различия с мыслями героя.

Лингвокультурологический потенциал очерков Н.А. Лухмановой и повестей С.И. Карцевского как текстов региональной литературы состоит, таким образом, из следующей совокупности факторов («индикаторов культурного регионализма» – по В.Н. Стрелецкому):

1. Региональное самосознание. Связь биографической и творческой судьбы автора с регионом отмечалась нами в п. 1.3. настоящего исследования. В контексте изучения русской литературы как иностранной и выявления лингвокультурологических особенностей текстов Н. Лухмановой и С. Карцевского, данный индикатор реализован в биографической справке, предлагающейся для изучения перед основной частью учебных заданий. Нами намеренно подчёркнут автобиографический характер произведений: «После венчания Лухманова уехала в Тюмень вслед за мужем-сибиряком»; «Свёкор Лухмановой стал прототипом героя романа «В глухих местах» – купца Круторогова»; «Сергей Карцевский начинал свою деятельность в качестве учителя в провинции Тобольской губернии – с. Нахречах (ныне п. Кондинское).

Свои впечатления о Конде Карцевский изложил в повести «Ямкарка» (1910)» [Читаем о Сибири, URL].

2. Этническая гетерогенность регионального сообщества. Этнический состав Западной Сибири, в особенности северной её части, многогранен. В повести С. Карцевского «Ямкарка» встречается упоминание о трёх народностях, населяющих Тобольскую губернию, – русских, вогулах и остяках. Разработанные нами задания по фрагментам повести сопровождаются справочной информацией: *«вогулы (манси) и остяки (ханты) – родственные народы, населяющие Западную Сибирь»* [Читаем о Сибири, URL]. Также автор повести использует отсутствующее в словарях самоопределение вогулов – ямкари. Учащимся предлагается определить значение данного термина исходя из контекста, а также с опорой на картину О. Мерцаловой «Ямкарка», на которой изображена девушка-манси.

3. Поселенческая структура. Особенность региона проявляется также в поселенческой организации общества – прежде всего, городском и сельском типах. В этом отношении анализируемые нами тексты дают возможность в полной мере раскрыть сущность обоих типов поселений. «Очерки из жизни в Сибири» Н. Лухмановой представляет собой обширное описание городской жизни: промышленная жизнь Тюмени, купеческий уклад, строительство железной дороги и др. Основной объект изображения повестей С. Карцевского – сельская местность. Чтение данных произведений позволяет понять уклад отдалённых сибирских провинций (отсутствие инфраструктуры, низкий уровень грамотности населения, традиционные промыслы, верования и т.д.). Учащимся предлагается выполнить *сопоставительный анализ отрывков и выявить разницу между сибирским городом и деревней.*

4. Специфические особенности ведения хозяйства. Промыслы народов Западной Сибири, а также традиционное ведение хозяйства находят своё отражение в повести С. Карцевского «Ямкарка»: «завтра наши неводить пойдут»; «рыбой промышляем, ягодой; по белку, соболя ходят, кто помоложе, а когда и зверя, либо сохатого убьют» [62]. Данные сведения позволяют

расширить круг рассматриваемых в рамках учебных занятий вопросов, дать учащимся знания о природе Западной Сибири (флоре, фауне), а также хозяйственной деятельности сибиряков.

5. Лингво-диалектная система, топонимы. Региональная ономастика, изучение которой происходит в процессе чтения текстов Лухмановой и Карцевского, облегчает процесс аккультурации иностранных студентов. Использование в текстах реальных топонимов позволяет привлечь к процессу обучения картографический материал, благодаря чему иностранные студенты могут наглядно увидеть расположение городов Тюменской области (ранее – Тобольской губернии), а также план города Тюмени с указанием географических объектов (Заречье, р. Тура, Царская улица и др.). В рамках занятий, проводимых в иностранной аудитории, в качестве апробации разработанных учебных материалов, студентам было предложено самостоятельно составить карту Тюмени, ее художественного пространства, изобразив на ней упоминаемые в романе «В глухих местах» объекты (улицы, площади, зареченский мост, дом Крутороговых и пр.).

6. Конфессиальная структура. Старообрядчество как лейтмотив очерков Н. Лухмановой позволяет углубить представления учащихся об истории России (Церковная реформа Никона), а также расширить словарный запас иностранных студентов (старообрядческая лексика: «скит», «молельня», «лампада» и др.; фразеологические единицы: «в чужом роту и чужой язык звонит»).

Таким образом, лингвокультурологический подход к изучению региональной литературы способствует углублению представлений иностранных учащихся об этнической, социальной и культурной составляющей региона.

2.2. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНА Н.А. ЛУХМАНОВОЙ «В ГЛУХИХ МЕСТАХ» И ПОВЕСТИ С.И. КАРЦЕВСКОГО «ЯМКАРКА»

Работа над художественным текстом в процессе обучения русскому языку как иностранному начинается с решения основной проблемы: каким должен быть учебный текст и как его выбрать. Рассмотрим основные (применительно к настоящему исследованию) критерии, от которых зависит выбор текста и приёмы работы над ним.

Этап обучения. Требованиями по русскому языку как иностранному установлены необходимые навыки речевой деятельности иностранных граждан в зависимости от степени сформированности коммуникативной компетенции. Следуя установленным требованиям по работе с текстом, использовать тексты художественной литературы на занятиях по русскому языку как иностранному можно при работе с аудиторией, уровень владения русским языком которой не ниже второго сертификационного уровня.

Актуальность. Актуальность текстового материала, отобранного для изучения в рамках занятий по русскому языку как иностранному, выступает синонимичным таким характеристикам как «валидность», «привлекательность», «аутентичность». При этом отмечается двойственная природа данных понятий, отражающая связь текста не только с читателем, но и с культурным фоном страны изучаемого языка: выбранный текст тем больше представляет интерес для иностранного учащегося, чем выше ценность данного материала для носителей языка.

В этом отношении литература рубежа XIX-XX веков – один из наиболее интересных периодов в истории русского искусства. Писатель рубежа веков приходит на смену великих – А.Чехову, Л. Толстому и другим авторам с мировым именем. Творческая мысль рубежа веков продолжает освоенный предыдущей эпохой реалистический метод. Вместе с тем новая эпоха формирует собственный взгляд на отражение действительности, и новизна литературы веков заключается в разнообразии направлений, течений и школ.

И в каждом из них – своё представление человека и мира, образа и слова. И. Бунин, А. Куприн, М. Горький и др., а вместе с ними и представители активно развивающегося «областничества» представляют собой отдельное звено русской литературы, самобытное начало, где встречается традиция и новаторство.

Немаловажным является и критерий актуальности по отношению к обучаемому. Текст должен обладать содержательной и познавательной ценностью для читателя; «ситуация, описанная в произведении, должна быть максимально правдоподобна и приближена к реальной жизни учащихся» [Попадейкина, Чахора, URL]. Закрепим обозначенный тезис известным постулатом Т.А. ван Дейка: «Человек понимает текст тогда, когда он понимает ситуацию, о которой идёт речь в тексте» [Кулибина, URL]. В этой связи особый интерес представляют тексты региональной литературы, отражающие ситуацию взаимодействия «своего» и «чужого» – опыт, безапелляционно переживаемый всеми изучающими иностранный язык, сталкивающимися с иноязычной культурой.

Адаптация текста. Признанная в преподавании русского языка как иностранного многофункциональность художественных текстов – их используют как с языковой (изучение лексики и грамматики), так и с неязыковой (знакомство со страной и культурой изучаемого языка) целью – порождает существенную методологическую проблему адаптации. «В качестве основного – определяющего всю методическую систему – всегда выступает что-то одно: методика работы над художественным текстом на языковом учебном занятии может быть либо *лингвоцентричной*, либо *литературоцентричной*» [Рачковская, с. 124].

Лингвоцентричный подход предполагает адаптацию художественного текста на всех этапах обучения, что способствует учебно-языковой работе в рамках заданной программы и позволяет усовершенствовать навыки работы с изученным языковым материалом.

Приверженцы *литературоцентричной* методики считают адаптацию художественного текста нецелесообразной, лишаящей текст «неповторимого своеобразия авторской модели изложения», «эстетической и коммуникативной ценности» [Рачковская, с. 125].

Сложно признать превосходство одного подхода над другим: адаптированные тексты бедны эстетически и страноведчески, неадаптированные настолько богаты языковыми трудностями, что осознание художественного смысла текста становится невозможным. Компромисс видится в «бережной» адаптации текста, позволяющей выполнять языковую работу и не препятствующей полноценному филологическому анализу.

В методике преподавания РКИ выработана классификация художественных текстов по степени их адаптации (Васильева А.Н.). Выделяемые исследователем четыре типа адаптации (условная, слабая, средняя, сильная) зависят от этапа обучения (чем ниже уровень владения языком, тем в большей степени адаптируется текст) и характеризуются сокращениями, синонимическими заменами, либо выделением особым шрифтом фрагментов для факультативного чтения [Рачковская, с. 127].

Приёмы адаптации текста (по Бачериковой В.Н.) заключаются в «делении текста на части, сокращении абзацев и предложений, замене одного слова или словосочетания другими словами или оборотами, пересказ содержания или отдельных его частей, в которых имеются языковые, композиционные или другие трудности» [Рачковская, с. 128].

Рассматривая анализируемые в настоящем исследовании художественные тексты в рамках *литературоцентричного* подхода, мы признаём необходимость их адаптации, ориентированной на уровень владения обучающихся русским языком и методически обоснованной для достижения поставленных в рамках занятий целей обучения.

Уровень подготовки учащихся, актуальность текстов и степень их адаптации выделены нами среди прочих критериев с целью обозначения основных принципов работы с анализируемыми художественными текстами.

«Очерки из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой и сборник «Из прошлого, из далёкого» С.И. Карцевского отражают взгляд приезжего человека, выступающего «чужим» по отношению к Западной Сибири. Иностранец занимает ту же позицию по отношению к региону пребывания, и поэтому через призму своего сознания способен понять показанную в тексте историю героя. Учитывая отражение в данных произведениях диалектных особенностей речи героев, нам видится целесообразным некоторая степень адаптации текстов, не препятствующая их анализу. Осуществлённое авторами деление указанных произведений на части (рассказы/главы), а также их методическая обработка в виде выбора отдельных фрагментов позволяет построить изучение данных текстов по принципу «культурологических тем».

В рамках настоящего исследования представлен **опыт создания учебного пособия** по изучению «сибирских» текстов Н. Лухмановой и С. Карцевского. Также нами **создан интернет-ресурс** (<http://rki-lit.tilda.ws/>), позволяющий проводить учебные занятия по изучению данных текстов в дистанционном формате. Задача настоящего параграфа – методически обосновать построение разработанных учебных занятий по изучению романа Н.А. Лухмановой «В глухих местах» и повести С.И. Карцевского «Ямка».

1. Формирование интереса к изучению текстов. Как отмечают методисты, при изучении художественного текста необходимо с особым вниманием отнестись к выбору предлагаемого для изучения материала: «Это должны быть художественные тексты, которые потенциальный читатель захочет и сможет понять» [Бродзели, с. 94]. С целью стимулирования интереса к изучаемым текстам нами предлагается **использование живописных пейзажей Западной Сибири**, сопровождающих фрагменты текста и задания к ним и позволяющих читателям погрузиться в мир пространственной образности региона. Стимулирование изучения «сибирских» текстов строится также на основе используемых в обращении к читателю эпитетов: «увлекательные книги о Сибири», «самые **интересные факты**», «мир **уникальной Сибири**».

2. С психологической точки зрения у учащихся не должно быть страха ошибиться, неправильно выполнить предлагаемые к тексту задания. В связи с этим нами выбрана особая словоформа, служащая названием этапов учебного занятия: «**Читаем**», «**Слушаем**», «**Рассуждаем**», «**Запоминаем**» и др. Форма первого лица множественного числа создаёт ощущение коллективной, совместной деятельности. И, несмотря на то, что все задания выполняет сам студент, включенность в общую деятельность снимает психологический барьер выполнения заданий.

3. Чтение как один из видов речевой деятельности предлагает не только восприятие текста, но и понимание заложенных в нём смыслов. Первоочередной задачей при работе с текстом является освоение учащимися графической и знаковой системы языка, в связи с чем продуктивным оказывается чтение вслух. Данный способ способствует также развитию беглости чтения, что является важным фактором при более глубокой работе с текстом – изучающем чтении. В сравнении с другими видами чтения (ознакомительным, просмотрным, поисковым) изучающее нацелено на более детальное проникновение в смысл текста с помощью анализа. Оно формирует умение понимать текст на иностранном языке и критически его осмысливать [Крючкова, с. 144-179]. Анализ художественных текстов в иностранной аудитории, являющийся предметом настоящего исследования, основывается именно на изучающем чтении.

Принимая во внимание важность развития навыков чтения, мы использовали **технология постановки ударения** в предлагаемых для чтения отрывках. Также нами использована **технология аудирования**, позволяющая иностранным учащимся прослушать отрывок из романа «В глухих местах», а затем самостоятельно прочитать его. Так формируется не только навык верного произнесения слов, но и интонационного оформления текста, выразительного чтения.

4. Обращению к тексту должен быть предпослан **лингвострановедческий комментарий**, способный снять некоторые

трудности в понимании текста. Это может быть «справка о писателе, сведения о событиях или людях, о которых говорится в тексте, лингвострановедческие понятия» [Крючкова, с. 278]. Данная информация может быть передана преподавателем или подготовлена самими учащимися по подготовленным учителем материалам, на основе собственных знаний.

В разработанных нами учебных занятиях чтению текстов предпослана биографическая справка о Н. Лухмановой и С. Карцевском, включающая наиболее интересные для читателя сведения и сопровождающаяся **портретами писателей**. Наиболее важные акценты выделены полужирным шрифтом. После чтения биографической справки учащимся предлагается первое задание: *«Проверь, насколько хорошо ты понял и запомнил биографию Надежды Лухмановой и Сергея Карцевского. Попробуй пересказать то, что ты прочитал».*

5. Следующий этап работы с текстом направлен на **снятие лексико-грамматических трудностей**. В упражнения данной категории входит словарная работа, словообразовательные и синтаксические задания. Однако необходимость данного рода предтекстовой работы ставится под сомнение некоторыми исследователями. «Не рекомендуем во время предтекстовой работы выполнять лексико-грамматические упражнения. Это методически нецелесообразно, т.к. все грамматические категории должны быть уже знакомы учащимся, а с лексическими трудностями можно справиться в процессе работы над текстом» [Бродзели, с. 96].

Принимая во внимания обе точки зрения, мы применили методику снятия лексико-грамматических трудностей в отдельных частях учебного занятия. Так, биографическая справка о писателях сопровождается вынесением наиболее сложных слов и определением их значений. Например, *«купец – раньше так называли человека, который занимается торговлей», «очерк – произведение, в котором есть описание реальных фактов, лиц», «свёкор – отец мужа».* Также лингвистический комментарий предлагается к названиям географических объектов (*«Тобольск – город в Тюменской области»*) и тем

лексемам, значения которых невозможно установить из контекста («остячишки» – остяки – название коренного народа Сибири, то же, что ханты). Для наглядности данные комментарии сопровождаются изображениями (например, представлены фотографии коренных народов Западной Сибири).

6. Предтекстовые задания призваны стимулировать интерес учащихся к чтению и активизировать их мыслительную деятельность [Журавлева, Зиновьева, с. 20]. Основная задача предтекстовых упражнений – прогнозирование, поэтому главным объектом анализа на данном этапе работы с текстом должно быть название произведения.

Так, изучение повести С. Карцевского начинается с вопроса: «*Название произведения, к которому вы обращаетесь, – «Ямкарка». Слышали ли вы это слово ранее? Как думаете, что оно означает?»*. Считаем необходимым на данном этапе использовать упражнения, направленные на развитие творческого потенциала студентов (представить, описать возникающие при чтении образы). В связи с этим данный вопрос сопровождается **картиной** Ольги Мерцаловой с совпадающим с повестью названием «Ямкарка».

7. Собственно чтение текста методисты рекомендуют задавать на дом, на первых этапах объём заданного материала не должен превышать пяти страниц (в зависимости от подготовки на следующих этапах работы объём может быть увеличен). Поэтому основной объём текста в рамках разработанных нами учебных материалов отведен для домашнего чтения.

Более вдумчивому чтению способствуют такие задания, как составление плана текста, заполнение таблицы, ответы на вопросы по прочитанному материалу. Например, «*В данном отрывке три героя: инженер, Фелицата и Евмений. Кем они приходятся друг другу?»*».

8. Притекстовые упражнения предполагают аудиторную работу и базируются на коммуникативной направленности работы с текстом. Возможны такие варианты заданий как: определение главной мысли прочитанного, ответы на вопросы к тексту, поиск необходимой информации и др. [Крючкова, с. 278].

В разработанных нами учебных заданиях притекстовые упражнения служат основой для формирования литературоведческих знаний о пространственной образности Западной Сибири. Например, описание зимнего пейзажа сопровождается следующими заданиями. Во-первых, иностранным учащимся необходимо *найти в прочитанном отрывке глаголы*. Данное упражнение способствует, в том числе, закреплению знаний о грамматической системе русского языка. Дальнейшим шагом служит задание интерактивного характера – *показать движения, которые обозначают найденные учащимися глаголы*. Затем предлагается вернуться к тексту и определить, кто выполняет данные действия. В ходе данной работы иностранные студенты устанавливают следующие грамматические основы: «монастырь лежал»; «лента реки шла»; «сосны протягивали, как объятия, лапы»; «лес стоял»; «тайга шла»; «ветер бушевал»; «тайга колотилась и выла». На основании выполненных притекстовых упражнений учащиеся формулируют вывод о том, что в данном тексте природа описывается как человек. Таким образом, формируется представление учащихся о таком литературном приеме как олицетворение.

С помощью технических средств (шрифтом, цветом и отдельной рамкой) мы акцентировали данное наблюдение: *«Обратите внимание: природа в данном тексте описывается как человек. Перенос свойств живых на неживые объекты называется "олицетворение"»*.

9. Понимание текста проверяется послетекстовыми упражнениями. Работа на данном этапе является многоступенчатой. Общее понимание текста возможно проверить на основе вопросов, предполагающих ответы типа «да/нет». Задания по аргументации собственного мнения на основе прочитанного, составление вопросов к тексту позволяют выявить более глубокое понимание материала.

К числу вопросов, требующих односложных ответов, в разработанных нами заданиях, являются, например, следующие: *«Подтвердилось ли ваше мнение о том, что отрывок напоминает сказку?»*, *«В отрывке есть слово "Фелицата". Как вы думаете, что оно означает?»*.

Развёрнутые высказывания учащиеся формируют на основе таких вопросов, как: *«Можете ли вы, на основании этого эпизода, объяснить, что такое "суеверие"?»*, *«Каким предстаёт пространство в данном тексте?»*.

10. Основная цель, предполагающая обращение к художественному тексту как к материалу для обучения РКИ, – **научить самостоятельному пониманию**, интерпретации произведения, сформировать необходимые для данной деятельности навыки. В связи с этим итоговое занятие по роману Н. Лухмановой «В глухих местах» строится на основе самостоятельной работы студента. Предлагается, с опорой на полученные ранее знания и практику выполнения заданий к тексту, выполнить анализ пространственной образности и содержательной части отрывка из данного романа.

Анализ заключается в ответе на следующие вопросы: 1. Выполните анализ пространственного образа отрывка (что изображено, какими предстают описываемые объекты?); 2. Найдите в отрывке приём олицетворения; 3. Выявите цепочку изменения звуков; 4. Как вы думаете, что значит выражение «Фелицата замолкла» и почему колокол не получил ответа?

11. Этап рефлексии направлен на выражение учащимися собственной позиции по отношению к прочитанному тексту. Предлагаем сформулировать её при ответе на вопрос *«Захотелось ли вам прочитать роман полностью? Почему?»*.

12. Этап продуктивной деятельности заключается в создании иностранными учащимися собственного продукта речемыслительной деятельности. В качестве итогового задания по изучению повести С. Карцевского «Ямкарка» предлагаем следующее: *«Вы проследили эволюцию сознания героя, его впечатлений и представлений о Сибири (до приезда – первое время – спустя время – перед отъездом). Напишите собственный рассказ, отражающий изменения ваших представлений о Сибири»*.

Отдельного рассмотрения требует **созданный нами** на основе представленных в настоящем исследовании учебных материалов **образовательный интернет-ресурс «Читаем о Сибири»** (<http://rki-lit.tilda.ws/>)

[Читаем о Сибири, URL]. Вводная часть сайта посвящена биографии Н.А. Лухмановой и С.И. Карцевского, представлены портреты писателей и краткий словарь, отражающий сложные для понимания лексемы. Изучение романа Н. Лухмановой «В глухих местах» и повести С. Карцевского «Ямкарка» построено по следующей структуре: «Совместная работа», «Домашнее чтение», «Итоговое задание».

Так как изучение текстов на базе интернет-платформы позволяет проводить **дистанционные занятия**, для более продуктивного взаимодействия педагога и учащихся, раздел «Домашнее чтение» содержит формы онлайн-опросов. Данная технология позволяет учащимся в дистанционном режиме давать письменные ответы на прилагающиеся к отрывкам задания. Благодаря этому педагог может заранее ознакомиться с ответами учащихся и скорректировать план следующего занятия в зависимости от полученных ответов. Данная технология может быть применена и при выполнении итоговых заданий по изучению текстов.

Таким образом, представленный в настоящем исследовании опыт создания учебного пособия соответствует существующим методическим принципам изучения художественного текста в иностранной аудитории и тенденциям развития дистанционного образования.

2.3. ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗОВАНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Апробацией изложенных в настоящем исследовании методических принципов изучения «сибирских» текстов Н.А. Лухмановой и С.И. Карцевского послужили очные занятия с иностранными студентами на базе кафедры русской и зарубежной литературы Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета.

В рамках учебной практики автором настоящего исследования в конце февраля – начале марта 2020 года были проведены учебные занятия со студентами третьего курса направления «Филология». В состав учебной группы

входило семь иностранных студентов (один студент из Швейцарии, четверо студентов из Франции, два – из Китая).

Занятия проходили в рамках освоения студентами дисциплины «История русской литературы рубежа XIX-XX века». Рабочей программой данного курса предусмотрено обязательное чтение художественных текстов, изучение методической литературы, усвоение и применение в процессе филологического анализа терминологической базы, работа с электронными ресурсами, участие в дискуссиях, критический анализ явлений. В соответствии с данными методическими рекомендациями были разработаны и реализованы планы семинарских занятий.

Задача настоящего параграфа – представить используемые в рамках проведенных учебных занятий образовательные технологии, описать результаты учебного эксперимента по изучению «сибирских» текстов Н. Лухмановой и С. Карцевского, а также провести анализ реализации регионального компонента образования в иностранной аудитории.

В рамках лекционных занятий студентами были получены знания об основных особенностях литературы рубежа веков, в том числе: о развитии женского письма, об особой роли очерка как жанра, о концепции «глухой Руси» в русской литературе и др. В связи с *имеющимися* у студентов *теоретическими* знаниями, служащими базой для изучения творчества Н. Лухмановой и С. Карцевского, проводимые в качестве апробации занятия носили *практическую* направленность.

Большое внимание было уделено чтению текстов. В ходе первого занятия были отмечены случаи нарушения ударения в незнакомых для иностранных студентов словах (чудотворная, прозябание, вырезывались и др.). Учитывая данное наблюдение, нами было принято решение об использовании на занятиях текстов с автоматической постановкой ударения в словах. Отдельной работы по снятию лексических трудностей не проводилось, лексический комментарий давался к отдельным словам текста, а общее понимание прочитанного проверялось путем краткого пересказа.

Также лучшему пониманию способствовали сопровождающие текст иллюстрации. Так, к фрагменту романа «В глухих местах» Н. Лухмановой, посвящённому описанию Ивановского монастыря, прилагалась фотография Иоанно-Введенского женского монастыря (вероятный прототип художественного образа романа). Вместе с тем, **использование интерактивных технологий** позволило в рамках занятия провести для студентов виртуальную экскурсию по территории и внутренним помещениям Белогорского Николаевского монастыря Пермского края, пространственное расположение которого совпадает с представленным в романе.

Как отметили сами студенты, данная деятельность позволила им визуализировать представленное в тексте описание Ивановского монастыря и лучше понять содержание отрывка.

Особый интерес иностранные студенты проявили к изучению отрывков, посвящённых культуре и быту Западной Сибири. Информация, представленная в текстах Н. Лухмановой и С. Карцевского, позволила учащимся углубить их страноведческие познания. В ходе занятий были проведены краткие обсуждения культурологических тем, связанных с встречающимися в отрывках лексемами «уха», «баня», «сани», «неводить».

Относительно легко далось иностранным студентам изучение пространственной образности Западной Сибири, в особенности – её природного ландшафта. В текстах Н. Лухмановой и С. Карцевского отражены климатические и географические особенности Западной Сибири, которые были отмечены и самими иностранными студентами, проживающими в г. Тюмени (снег, холод, лес).

Совпало представление учащихся о сибирском народе с отраженными в повести «Ямкарка» изображениями сибиряков. В ходе дискуссии по вопросам: *«каким представлял учитель сибирский народ?»*, *«совпадают ли его представления о сибиряках с вашими?»* – иностранные студенты высказали мнение о внешней «закрытости» и «холодности» сибиряков, но вместе с тем «открытости» и «внутренней доброте».

Трудности вызвали задания, непосредственно связанные с филологическим анализом текста. Потребовал подробных рассуждений вопрос по роману Н. Лухмановой «В глухих местах»: *«можно ли сказать, что лес принял Фелицату (проявил хорошее к ней отношение)?»*. Иностранные учащиеся дали отрицательный ответ на данный вопрос, аргументируя своё мнение тем, что Фелицата умерла в лесу, а смерть нельзя назвать проявлением хорошего отношения. В связи с этим были доработаны прилагаемые к отрывку задания; в частности добавлен вопрос: *«можно ли сказать, что кедр защитил Фелицату от Евмения?»*.

Проведенный эксперимент по изучению «сибирских» текстов Н. Лухмановой и С. Карцевского в иностранной аудитории подтвердил актуальность включения регионального компонента в образовательный процесс; плодотворной оказалась работа по изучению данных текстов в лингвокультурологическом аспекте: углублены культурологические знания иностранных студентов о Западной Сибири, выработан и закреплён алгоритм анализа пространственной образности художественного произведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведения Н.А. Лухмановой и С.И. Карцевского, репрезентирующие пространственную образность Западной Сибири, созданы на основе личного опыта пребывания писателей в этом крае, осмысления природы этих мест. «Очерки из жизни в Сибири» Н. Лухмановой и повести «Из прошлого, из далёкого» С. Карцевского во многом автобиографичны. Однако история жизни в Сибири у каждого автора своя, и это отразилось в структуре и композиции текстов.

Повествование в повестях Карцевского ведётся от лица рассказчика. Он выступает выразителем мыслей и чувств самого автора. История учителя разворачивается в пространстве двух повестей, «Ямкарки» и «Селе Туман», и отражает путь, который прошёл Карцевский в 1903-1904 гг., будучи отправленным из Тобольска в с. Нахрачи на учительскую службу. Главным предметом изображения становится внутреннее столкновение «своего» и «чужого»; неприятие и непонимание учителем жизни сибирской провинции сменяется, по мере обретения «опыта жизни здесь» (Данилина Г.И., Эртнер Е.Н.), сначала на удивление и восхищение, затем – на **«безудержное желание заплакать»** от необходимости покинуть полюбившееся село. Повесть «Больная ночь» написана Карцевским во время недолгого пребывания в Тобольске в 1917-1919 гг. В этом произведении на первый план выходят воспоминания автора о проведённом в городе детстве; Тобольск предстаёт в образе сказочного пространства, где звучат смех и песни. Жизнь города ничуть не изменилась с тех пор, однако внутреннее состояние героя, вернувшего на родину спустя десять лет, **«невыносимо жуткое»: «могильное одиночество охватило меня»** [27]. «Город тот же, маленький, скромный. Те же церкви, те же люди» [28], и внутреннее переживание этого места и ощущения рассказчика навсегда останутся воспоминанием, отголоском прошлого.

Особенность повестей С. Карцевского в том, что они отражают **путь сибиряка в Сибири**, и сюжет этот весьма нов для русской литературы. Несмотря на то, что пространство Сибири раскрывается в его произведениях

«изнутри» воспринимающего мир сознания, она отражает взгляд «чужого». Пространство Западной Сибири разделено на обособленные территории: учитель из губернского Тобольска не может привыкнуть к жизни в провинциальном селе Ягодное Тобольского же уезда; жители Ягодного, вогулы, воспринимают живущих неподалёку остяков как «чужаков»; вернувшийся в Тобольск рассказчик чувствует себя теперь «чужим» в родном городе.

Иной взгляд на Сибирь отражён в «Очерках из жизни в Сибири» Н. Лухмановой. Выйдя замуж за сибиряка и уехав вслед за ним из Санкт-Петербурга в Тюмень, писательница оказывается посвящённой во все аспекты жизни сибирского города. В течение пяти лет она погружается в быт сибирской семьи, становится свидетелем городских событий, подмечает уклад старообрядцев. Всё это позволяет ей отразить природно-пространственную семантику Западной Сибири **в оптике "над"** раскрываемым миром. Лухманова воссоздаёт образ Сибири в контексте двух антогоничных мифов, с точки зрения «своего» и «чужого», причем оба они оказываются связаны настолько, что дать однозначную характеристику края – рай или ад – невозможно. Пространство двойственно и конфликтно изначально и потому часто оборачивается своей противоположной стороной (поэтика метаморфозы).

С одной стороны, мифопоэтика Сибири в «Очерках» соотносится с традиционным представлением о ней как о «мире мёртвых»: жестокие деяния варнаков, лютый холод, смрад одубины, запертые ворота. В то же время природное богатство региона, живописно-сказочный пейзаж, сакральные места старообрядцев создают образ эдема, обетованной земли. И если в повестях Карцевского мы можем проследить эволюцию сознания рассказчика в рамках процесса демифологизации (сначала Сибирь мифологизируется им как глухая, тихая, пугающая снежная пустыня, затем демифологизируется за счёт сближения с сибирским народом), то «Очерки» Лухмановой не имеют такой чёткой последовательности. Пространство Сибири воспринимается, как сложное, противоречивое, и цель его изображения – ремифологизация образа

Западной Сибири. Лухманова не ставит перед собой задачу разрушить устоявшийся в литературе взгляд на Сибирь; на границе позиции «извне» и «изнутри» она создаёт новый миф о Сибири.

В «Очерках» нет чётко противопоставленных (со знаком «+» и «-») полюсов ландшафта Сибири. Даже отдельно взятый объект сибирского ландшафта становится полисемантическим (тайга, «**воющая, как стая волков**», та же, что и **тайга-матушка, заступница**).

На основании проведённого в настоящем исследовании анализа очерков Н. Лухмановой и повестей С. Карцевского нами выделены следующие группы бинарных оппозиции в восприятии ландшафта Западной Сибири.

1. Смерть/жизнь (ад/рай):

а) по отношению к природе. Зима ассоциируется со смертью города и природы, лето – с началом новой жизни: «Зимой городок заметало снегом, над ним выли вьюги, и ни души не показывалось на улицу; **всё вымирало и вымерзало**. Но приходило тепло, и городок, забытый и Богом и людьми, вновь пробуждался к жизни. Живучий, готовый жить» [24]. Суровые природные условия не отражаются на природном богатстве края. Снежная пустыня тундры переходит в сказочно оживлённое пространство тайги;

б) по отношению к лиминальности пространства. Западная Сибирь предстаёт как пороговое пространство (лиминальное, В. Тьюпа), пребывание в котором равносильно для героя обряду инициации. Сибирь воспринимается как рай, куда держат путь переселенцы в поисках лучшей доли. И в то же время трагические истории, происходящие на этой земле, наделяют её свойствами ада. Это место смерти и воскресения одновременно;

в) Сибирь как провинция. Сибирь – провинция России, противопоставленная столице. Пребывание в ней равносильно временной смерти. «Глушь», «скука», «тишина» – человек здесь не живёт, а прозябает. Вместе с тем отдалённость территории, не тронутой «рукой» цивилизации, способствует формированию особого уклада жизни. И со временем опыт жизни

в Сибири воспринимается не как обречённое существование: «мучительно яркие оживали картины из жизни – там» [107].

2. Сакральное/профанное место. Обилие «церквей», «монастырей», «старообрядческих скитов», «скрытых молелен» формирует сакральный ландшафт Западной Сибири. Однако распространённым становится сюжет ухода из сакрального пространства жизни (Парамон, Фелицата, Илья). Истинное пристанище герои находят в мире природы. Стирается граница между сакральным и мирским. Пребывание в монастыре вызывает не смирение, а бесовские видения (Фелицата); скрыня становится местом преступления (Глазовы); сибирские скиты – тайным пристанищем истинной веры.

3. Своё/чужое. Конфликт «своего» и «чужого» явлен опосредованно, через описание сибирского города и его представление в сознании местных и приезжих. Обустройство сибирского города подчинено главной цели – защите. Отсюда возникает мифологема закрытого пространства: «высокие заборы», «запертые двери» и «окна», «битые стёкла», «лай собак». Однако со стороны «закрытость» предстаёт как «замкнутость», город словно прячется от посторонних глаз; не допускает «чужого».

4. Жестокость/радушие. Внешний вид города-крепости соотносится с характером самих сибиряков, его населяющих. С одной стороны, они жестокие и нелюдимые, живущие только ради наживы. Но взгляд «изнутри» сибирского дома представляет иную картину: поколение «слётышей», работа «купеческой конторы», «духовитость сада». Формируется взгляд на сибиряка как на носителя сверхсилы (эпатажное поведение Круторогова в ситуации инспектирования его завода высокой комиссией).

«Очерки из жизни в Сибири» Н. Лухмановой и сборник «Из прошлого, из далёкого» С. Карцевского являются, таким образом, отражением жизни и культуры Сибири. С одной стороны, они воплощают реальные историко-географические факты, связанные с пространством Западной Сибири (геопанорама Тобольской губернии, строительство железной дороги), с другой, –

формируют уникальный образ края, воссозданный авторами новый ландшафт Сибири.

Историческая, культурная и мифопоэтическая ценность анализируемых произведений позволяет рассматривать их в контексте лингвокультурологического аспекта изучения русской литературы как иностранной. В настоящем исследовании представлен **опыт создания учебного пособия и образовательного интернет-ресурса** по изучению «сибирских» текстов Н. Лухмановой и С. Карцевского, направленному на выявление ключевых особенностей «сибирского» текста и отражённого в нём сибирского ландшафта.

В качестве апробации представленных в настоящем исследовании материалов были проведены **очные занятия с иностранными студентами**, целенаправленно обучающимися по направлению «Филология» с целью углубленного изучения выбранной ими научной сферы. Высокий уровень владения русским языком, а также имеющиеся у иностранных студентов знания в области филологического анализа позволили провести семинарские занятия по изучению романа Н.А. Лухмановой «В глухих местах» и повести С.И. Карцевского «Ямкарка». В рамках представленного эксперимента была проведена работа по развитию навыков речевой деятельности иностранных учащихся (слушание и чтение отрывков, пересказ прочитанного, письменные работы); углублены представления студентов о культуре и быте Западной Сибири. Рефлексивная деятельность, направленная на привлечение личного опыта взаимодействия иностранных студентов с Западной Сибирью, способствовала более продуктивному анализу литературного ландшафта региона в изучаемых текстах.

Проведенный в рамках исследования эксперимент по реализации регионального компонента образования в иностранной аудитории подтвердил выдвигаемую нами гипотезу о высоком лингвокультурологическом потенциале «Очерков из жизни в Сибири» Н.А. Лухмановой и «Из прошлого, из далёкого» С.И.Карцевского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеева И.Б., Васильева Т.В., Левина Г.М. Рассуждение об аутентичности в методике обучения иностранных учащихся инженерного профиля // Мир русского слова. Санкт-Петербург. 2001. № 4. С. 55-63.
2. Андреев В.Е. Понятия «литературного гнезда» и «литературного ландшафта» в изучении тамбовского литературного наследия // Вестник ТГУ. Тамбов. 2007. Выпуск 7. С. 130-134.
3. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск. 2005. 304 с. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0203-50860/020350860.pdf> (дата обращения: 16.02.2020).
4. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва. 1975. 504 с.
5. Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные текст. Москва. 2004. С. 457-483.
6. Беспалова Л.Г. Тюменский край и писатели XIX века: очерки по лит. краеведению. Свердловск. 1998. 105 с.
7. Беспалова Л.Г., Беспалова Ю.М. Тюменский край и писатели XVII – XIX веков. Екатеринбург. 1998. 464 с.
8. Брагина М.А., Синячкин В.П., Дронов В.В., Красс Н.А., Тарасов Е.Ф. Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка. Москва. 2008. 364 с. URL:<http://libed.ru/knigi-nauka/839731-1-prioritetniy-nacionalniy-proekt-obrazovanie-rossiyskiy-universitet-druzhibi-narodov-sinyachkin-bragina-dronov-kr.php> (дата обращения: 03.03.2020).
9. Бродзели А.О. Художественная литература в обучении РКИ (методические рекомендации) // Университетские чтения. 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. Пятигорск, 2017. С. 92-97

10. Вайс К. Русское географическое общество и создание образа Сибири XIX века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск. 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/index.html (дата обращения: 16.04.2020).
11. Веденин Ю.А. Усадебный ландшафт как тип культурного наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. Москва. 2004. С. 164-186.
12. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Москва. 2005. 1038 с.
13. Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении // Слово и текст в диалоге культур. Москва. 2000. С. 22-24.
14. Гаврилина Л.М. Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». Тверь. 2016. № 3. С. 104–111. URL: <http://eprints.tversu.ru/6625/1/Вестник%20ТвГУ.%20Серия%20Философия.%202016.%203.%20С.%20104-111.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).
15. Гез Н.И. История зарубежной методики преподавания иностранных языков: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н.И. Гез, Г.М. Фролова. Москва. 2008. 256 с.
16. Гейко Н.Р. Аутентичный художественный текст в современной методике преподавания иностранного языка. Москва. Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 12 августа 2012. URL: https://portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1344799809&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 22.04.2020).
17. Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул. 2004. 132 с.
18. Дамешек Л.В., Дамешек И.Л. Сибирская реформа М.М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. Томск. 2018. № 426. С. 88-93.
19. Данилина Г.И., Эртнер Е.Н. Писатель и его край: онтологический конфликт как научная проблема // Филологический дискурс. Вестник филологического факультета ТюмГУ. Тюмень. 2000. С. 27-37.

20. Журавлева Л.С., Зиновьева М.Д. Обучение чтению (на материале художественных текстов). Москва. 1984. 96 с.
21. Зайонц Л.О. Русский провинциальный «миф» (к проблеме культурной типологии // Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные текст. Москва. 2004. С. 427-457.
22. Замятин Д.Н. Русская усадьба: ландшафт и образ // Вестник Евразии. Москва. 2006. С. 70-91.
23. Замятина Н.Ю. Географический образ // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Выпуск 5. Москва. 2008. С. 206-211.
24. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник. Санкт-Петербург. 2016. 182 с.
25. Казакова М.А., Евтюгина А.А. Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному языку // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. Улан-Удэ. 2016. Вып. 4. С. 50-60.
26. Карцевский С.И. Из прошлого, из далёкого. [б.м.]: Издательские решения 2018. 212 с.
27. Козлов А. Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск. 2014. 233 с.
28. Колмогоров А.Г. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой. Москва. 2013. 464 с.
29. Колмогоров Г.В. Езда в Сибири // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX - начала XX вв./ Сост., вступ. ст. Мандрики Ю. Л. Тюмень. 2004. С. 249-283.
30. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ. Москва. 2009. 480 с.
31. Кулибина Н.В. О том, как «текст превращается в урок языка» // Мир русского слова. № 1. 2002. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2002-01/28_305 (дата обращения: 16.04.2020).

- 32.Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. Санкт-Петербург. 1999. С. 147-165.
- 33.Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург. 2000. 704 с.
- 34.Лухманова Н.А. Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения / Составление тома Ю.Л. Мандрики, предисловие К.Я. Лагунова, примечания Н.Ф. Швейбельман. Тюмень. 1997. 464 с.
- 35.Монография «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» (CEFR, русская версия). Москва. 2003. 256 с.
- 36.Носилов К.Д. У вогулов: очерки и наброски. Тюмень. 1997. 304 с.
- 37.Носонович Е. В. Параметры аутентичного учебного текста / Е.В. Носонович, Г.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. Москва. 1999. № 1. С. 5-10.
- 38.Носонович, Е. В. Критерии содержательной аутентичности учебного текста / Е.В. Носонович, Г.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. Москва. 1999. №2. С. 10-20.
- 39.Пиксанов Н. К. Областные литературы и литературное областничество. URL: <http://www.vevivi.ru/best/Oblastnye-literatury-i-literaturnoe-oblastnichestvo-ref40158.html> (дата обращения: 03.03.2020).
- 40.Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX веков. Москва. 1993. 320 с.
- 41.Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Освоение Сибири и старообрядчество // Всероссийский экономический журнал. Новосибирск. 2011. С. 168-181.
- 42.Попадейкина И., Чахора Р. Теория и практика преподавания русского языка как иностранного. Библиотека «Русско-польского института». Под ред. Попадейкиной И., Чахора Р. Вроцлав. 2012. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/4469-1-teoriya-praktika-prepodavaniya-russkogo-yazika-kak-inostrannogo-biblioteka-instytutu-polsko-rosyjskiego-bibliotek.php> (дата обращения: 13.05.2020).
- 43.Рачковская А.В. Художественный текст на занятиях по РКИ: критерии отбора и характер адаптации // Этнокультурный и социолингвистический аспекты теории и практики преподавания языков. Минск. 2015. С. 121-131.

- 44.Рогачева Н.А. Литература Тюменского края в школьном изучении (научно-методические проблемы и подходы, диалог с исследователями и материалы для преподавателей к первому уроку) // Лукич. Часть I. Июнь. Тюмень. 1998. С. 55-59.
- 45.Рогачева Н.А. Тюмень: образ, душа, судьба. Тюмень. 2004. 480 с.
- 46.Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. Псков. 2012. С. 9-21.
- 47.Строганов М. В. «Во глубине» России и Сибири: взгляд из «Российских Европий» // Сибирский текст в русской культуре: Сб. статей. Вып. 2. Под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. Томск. 2007. С. 44-50.
- 48.Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Москва. 1995. 623 с.
- 49.Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург. 2003. 616 с.
- 50.Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Москва. 1983. С. 227-284.
- 51.Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. 2002. № 1. С. 27-35.
- 52.Уровни владения русским языком как иностранным языком и требования к ним // Приложение к Приказу Минобрнауки России от 01.04.2014 № 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164437 (дата обращения: 15.05.2020).
- 53.Успенский Г. И. Очерки переходного времени. Москва. 2016. 1127 с.
- 54.Читаем о Сибири. Открой для себя мир русской литературы. URL: <http://rki-lit.tilda.ws/>.

55. Шахеров В.П. Между Западом и Востоком: взаимодействие культур как фактор формирования экономического и социокультурного пространства Сибири // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск. 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/index.html (дата обращения: 02.04.2020).
56. Эртнер Е.Н. «Характерная Сибирь» в русской прозе конца XIX – начала XX века: ценностные аспекты // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. Екатеринбург. 2019. С. 200-202.
57. Эртнер Е.Н. Образ сибирского дома в русской прозе конца XIX – начала XX веков: феномен территориальности // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень. 2003. № 4. С. 39-45.
58. Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень. 2005. 211 с.